

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БИБЛИОТЕКА
МАРКСИСТА

Выпуск I

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ
МАНИФЕСТ

А

Б

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО - 1926

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БИБЛИОТЕКА МАРКСИСТА
под редакцией Д. РЯЗАНОВА
ВЫПУСК 1

К. Маркс и Ф. Энгельс

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ И ПРИМЕЧАНИЯМИ

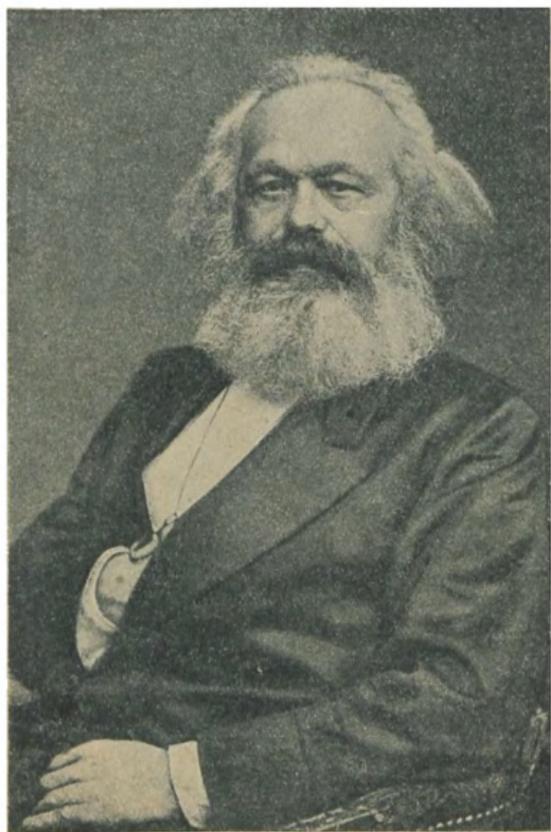
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1926 ☆ ЛЕНИНГРАД

Главлит 46444.

Гиз 14561.

Тираж 30 000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий“. Москва, Пименовская ул., д. 16.

Карл Маркс в 1880 г.

Фридрих Энгельс в 1879 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящее издание было предпринято по поручению ЦК РКП, предложившего мне к 75-летию «Коммунистического Манифеста» написать к последнему комментарий, который в первую очередь предназначался бы для слушателей партшкол и членов марксистских кружков.

Открывая теперь этим изданием «Библиотеку марксиста», мы внесли в него несколько изменений. Текст пересмотрен. Переработано вступление к пояснениям. Внесены, кроме того, мелкие поправки. Увеличено также число иллюстраций.

Манифест был написан по поручению пролетарского общества, но обращался к передовой, наиболее сознательной части рабочего класса, к тем рабочим, которые стояли на уровне развития пролетариев, вместе с Марксом основавших Союз Коммунистов. В то же время он служил ответом на ряд возражений, которые выдвигались буржуазными учеными против коммунистов и их теорий. Все это определяло способ его изложения, затрудняющий его понимание для менее подготовленного, в особенности современного читателя, не знающего многих подробностей, которые были хорошо известны читателю того времени.

Чтобы облегчить изучение Манифеста, я предпослал ему введение, в котором излагается история Союза Коммунистов и объясняется значение самого Манифеста. Кроме того, после Манифеста следуют пояснения к каждой главе.

Я советую тем читателям, которые попытаются познакомиться с Манифестом без помощи руководителя, прочитать сначала введение, затем самый Манифест и уже после пояснения к нему. Затем, чтобы лучше усвоить его содержание, прочитать снова Манифест, но уже по главам, руководясь при этом пояснениями к этим главам.

Более подробные примечания и разъяснения к Манифесту можно найти в том издании, которое предназначено для преподавателей наших партийных школ и студентов коммунистических университетов ¹⁾.

Д. Рязанов.

---

¹⁾ Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. «Коммунистический Манифест». С введением и примечаниями Д. Рязанова. Госиздат. Москва. 1923 г.

ВВЕДЕНИЕ

Наша партия—Российская Коммунистическая Партия (Р. К. П.)—называется так потому, что программа, цели и задачи ее, основана на программе, которая была впервые изложена в Коммунистическом Манифесте.

Этот манифест—провозглашение целей и задач—был опубликован во второй половине февраля 1848 г. от имени незадолго перед тем основанного Союза Коммунистов. Он, по справедливости, может быть назван колыбелью современной международной коммунистической партии, Коминтерна. Составлен был манифест двумя немецкими коммунистами—К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Таким образом, история Коммунистического Манифеста и Союза Коммунистов является в то же время и историей программы нашей партии, и историей Коминтерна. Мы поэтому считаем необходимым познакомить товарищей с историей Союза Коммунистов. Посмотрим же, как он возник, и кто был его основателем.

Большинство членов Союза Коммунистов были немцами и рабочими. Нам придется поэтому обратиться к Германии.

До 1830 г. в этой стране, раздробленной на несколько десятков государств, из которых самым крупным была Пруссия, почти безраздельно господствовало самодержавие. Когда страна освободилась из-под власти Наполеона (1815 г.), немецкие государи, обещавшие народу всяческие уступки, забыли свое слово и оставили все попрежнему. В ответ на это студенческая молодежь устраивала тайные организации, прибегала к убийствам ненавистных прислужников королевской власти. Государи, опиравшиеся на поддержку русского царя и австрий-

ского императора, ответили на это движение беспощадными преследованиями, душой которых был первый министр Меттерних.

Это тем легче удавалось, что в соседней Франции, которая в конце XVIII века своей революцией нанесла сокрушительный удар старым порядкам, тогда, казалось, было подавлено всякое свободное движение. После свержения Наполеона были восстановлены старые Бурбоны, которые ничего не забыли и ничему не научились. Их господство длилось от 1815 до 1830 г. Это время обычно называется эпохой (временем) реставрации, т.-е. восстановления старых порядков, старой королевской династии.

Вернувшись вместе с королем, эмигранты старались действительно восстановить старый порядок. Но это им не совсем удавалось. Они лишили политических прав не только рабочих, но даже огромное большинство буржуазии, заставили государство заплатить себе громадную сумму за те земли, которые они не могли себе вернуть.

Произошло сближение между всеми противниками Бурбонов. Свободолюбивая буржуазия объединилась с рабочими, которым она обещала в случае победы золотые горы. Так, в июле 1830 г. вспыхнула новая революция (июльская революция), в которой парижские рабочие дрались на баррикадах, как львы, а вместе с ними и студенты. Но рабочие были обмануты. Вместо республики была сохранена монархия, и только династия Бурбонов, потакавшая исключительно землевладельцам, была заменена династией Орлеанов, которая стала приставом денежной и промышленной буржуазии. Эпоха июльской монархии была временем нераздельного господства банкиров и капиталистов.

Июльская революция вызвала потрясение во всей Европе. В Англии старая дворянская знать, аристократия, вынуждена была сделать большие уступки промышленной буржуазии (в 1832 г.) и предоставить ей достаточное число мест в парламенте. И здесь рабочие, поддерживавшие буржуазию в борьбе ее с аристократией, были обмануты. Только после этого они начали свою борьбу, но уже против буржуазии и аристократии, которые теперь вступили друг с другом в компромисс (соглашение).

В соседней Бельгии тоже вспыхнуло восстание, и она отделилась от Голландии, с которой была соединена в одно

государство. Как и во Франции, там установлен был конституционный образ правления, другими словами, была сохранена монархия, но ограниченная представительством зажиточных классов, которые в парламенте следили за тем, чтобы королевская власть соблюдала их интересы.

В Германии, в ряде маленьких государств, произошли восстания. Перепуганные государи согласились «дать» конститу-

Взятие Тюльери 29 июля 1830 г.

цию или значительно послабили на первых порах свой пажим. Таким образом, когда русский царь Николай справился с большим трудом с польским восстанием, которое тоже явилось отголоском июльской революции, то бежавшие польские повстанцы были пропущены через Германию, где население приветствовало их с большим энтузиазмом (воодушевлением).

Именно в начале 30-х годов мы встречаем в Германии первые следы участия немецких рабочих и ремесленников в

революционных движениях. Когда немецкие демократы устроили демонстрацию в 1832 году в Гамбахе (так называемое Гамбахское празднество), в ее организации приняли участие рабочие, и один из последних, Иоганн-Филипп Беккер, молодой щеточник, в своей речи настаивал,

Иоганн-Фил«пп Беккер.

что необходимо противопоставить насилию правительства силу ¹⁾. Среди немецких студентов начало развиваться новое движение. Некоторые из них искали сближения с ремесленниками и рабочими и, как, например, Шустер, Шаппер, Бюхнер, сделали даже попытку организовать среди них правильную работу. Скоро они были вынуждены покинуть Германию и скрыться за границу. Бюхнер бежал в Швейцарию, где посвятил себя ученой и писательской деятельности, но очень скоро умер совсем молодым человеком ²⁾. Что касается Шустера и Шаппера, то они бежали во Францию и поселились в Париже.

Во Франции к этому времени уже началось рабочее движение. Особенно сильное впечатление произвело в 1831 г.

---

¹⁾ С тех пор мы его встречаем в истории рабочего движения до 1886 г., когда он умер глубоким стариком. За три года перед этим он горячо приветствовал основание группы «Освобождение Труда», которая с Плехановым во главе была первой в России марксистской организацией.

²⁾ До сих пор еще ставится в немецких театрах и у нас в России его известная драма из истории французской революции «Смерть Дантона».

На июльских баррикадах

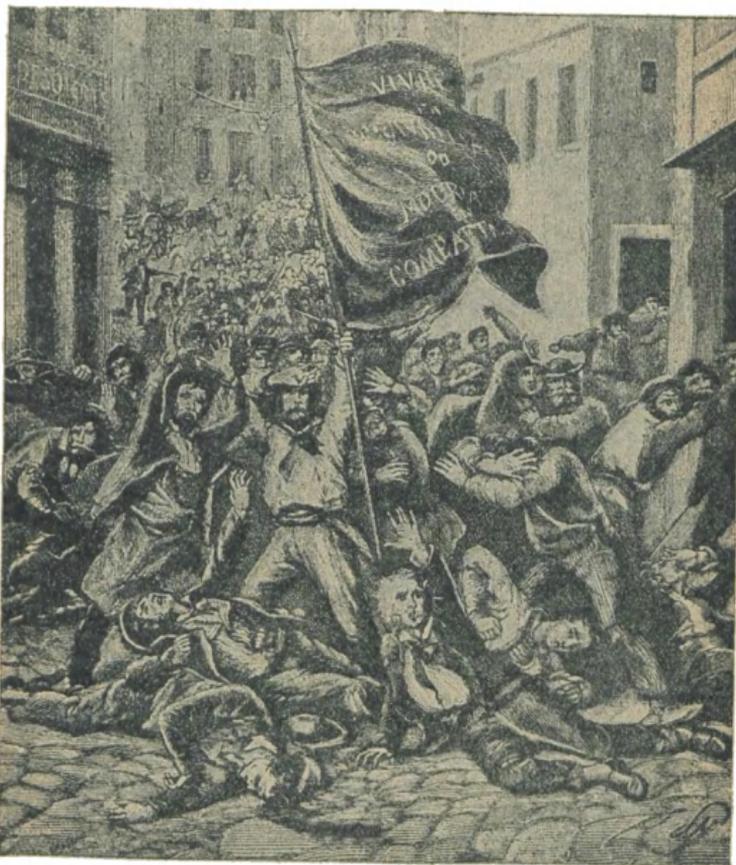
Лионское восстание шелко-ткачей. Не имея никакой определенной цели, выведенные из терпения безысходной нуждой и беззастенчивой эксплуатацией, они восстали просто потому, что предпочитали «умереть сражаясь», чем дольше жить впроголодь, без обеспеченной работы. «Жить трудясь или умереть в бою» написали они на своем черном знамени. Несколько дней они держали город в своих руках. Но правительство послало против них целую армию, и восстание было подавлено.

Лионское восстание поставило теперь в порядок дня рабочий вопрос. Оно показало, что и при конституционном строе рабочие остаются бесправными жертвами в руках всяких капиталистических акул и хищников. Но оно заставило также задуматься революционную молодежь, которая искренно хотела добра всему трудящемуся народу. Эти революционеры из среды студентов пришли к выводу, что необходимо в тайные общества привлечь и рабочих, делать их сознательными революционерами. Они были убеждены, что маленькая кучка хорошо организованных людей, выбрав удобный момент, может захватить власть в свои руки, помощью целого ряда указов, декретов, ставящих себе целью благо трудящихся, увлечь за собою народ и таким образом сделать революцию. Во главе этих революционеров стоял Огюст Бланки, устроивший неутомимо, не смущаясь никакими неудачами, все новые тайные общества.

Бежавшие из Германии революционеры скоро последовали их примеру и основали свое общество. На помощь им пришло следующее обстоятельство. Немецкие ремесленники и подмастерья, особенно столяры и портные, имели обыкновение во время учения путешествовать, чтобы «людям посмотреть», ремеслу поучиться и пожить в каком-нибудь крупном промышленном городе. Многие из них направлялись в Швейцарию и Англию, но большинство тогда предпочитало ехать в революционный Париж. В тридцатых и сороковых годах там скопилось несколько десятков тысяч таких пришлых немецких рабочих.

Так вот, Шустер и Шаппер, которые сначала устроили в 1834 г. «Общество гонимых, или изгнанников», скоро разошлись с более умеренной частью, которая ограничивалась только одной политической работой и не хотела поднимать вопроса о богатых и бедных.

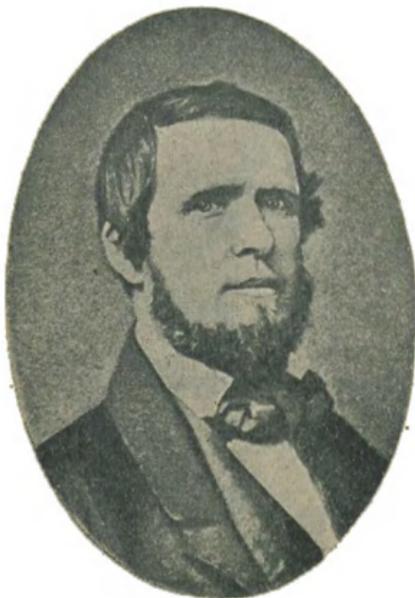
В 1836 г. Шаппер и его товарищи основали новое общество «Союз Справедливых», вошедший в тесную связь с «Обществом времен года», которое имело своими руководите-

Лионское восстание в 1831 г.

лями Бланки и Барбеса. Большинство членов «Союза Справедливых» состояло из рабочих. Шаппер стал наборщиком и вместе с Бауэром, по ремеслу сапожником, не-

устанно работал среди немецких рабочих. Скоро к ним присоединился портной Вильгельм Вейтлинг, который, в отличие от Шаппера и Бауэра, был еще очень способным писателем. В 1838 г. он выпустил сочинение «Человечество, как оно есть и каким оно должно быть». Это было первое

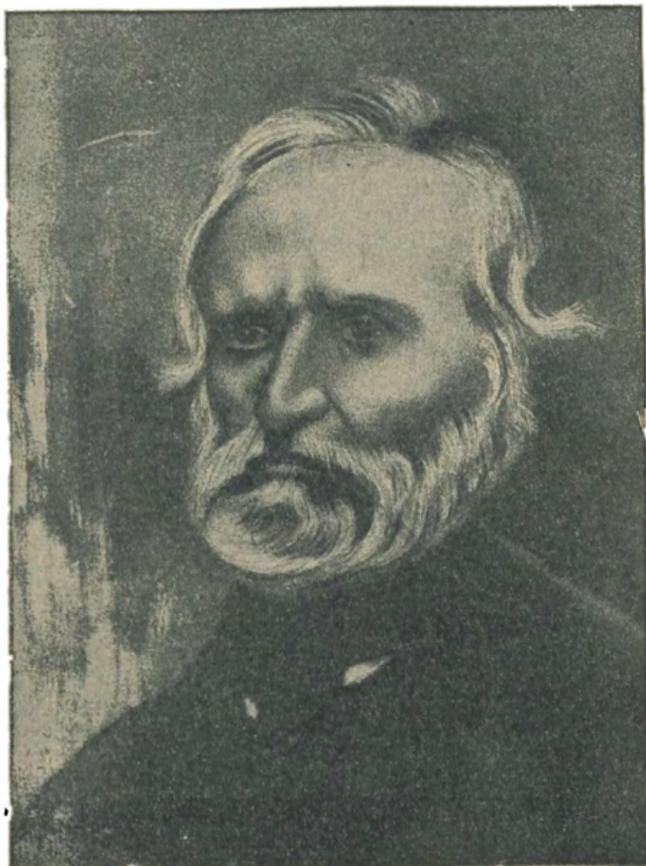
Вильгельм Вейтлинг.

произведение, в котором немецкие рабочие заявили себя коммунистами. Вейтлинг решительно высказался за отмену частной собственности, но еще старался обосновать свое учение, связывая его с ранним христианством. Он надеялся таким образом сделать коммунизм понятнее и ближе рабочим, доказывая его текстами из Евангелия. Христос для него пророк свободы и любви. Он считал необходимым выработать самый подробный план будущего коммунистического общества, во главе которого должен был стоять совет мудрых. Но он уже подвергся влиянию французских революционеров и понимал, что такое коммунистиче-

ское общество нельзя будет осуществить мирным путем. «Все написанные до сих пор планы общественного переустройства служат доказательством его необходимости и возможности,—говорит он.—И чем больше будет таких планов, тем больше будет у народа доказательств в его пользу. Но лучший план мы все-таки должны будем написать своей кровью».

Вышедший из рабочей среды, испытавший на себе, что значит крайняя нищета, он, однако, не понимал, какое значение имеет пролетариат, как главный деятель, которому су-

ждено будет превратить капиталистическое общество в коммунистическое. Рабочие были для него «люди труда и заботы», которые часто страдают от нужды больше, чем другие

Огюст Бланки.

представители трудящихся. Это вызывает в них большую злобу против эксплуататоров, а это озлобление в свою очередь делает их более способными для революционной борьбы.

Отсюда он делал вывод, что наиболее пригодными для этой борьбы являются те люди труда и заботы, которые окончательно порвали с современным обществом, как, например, разбойники и бандиты.

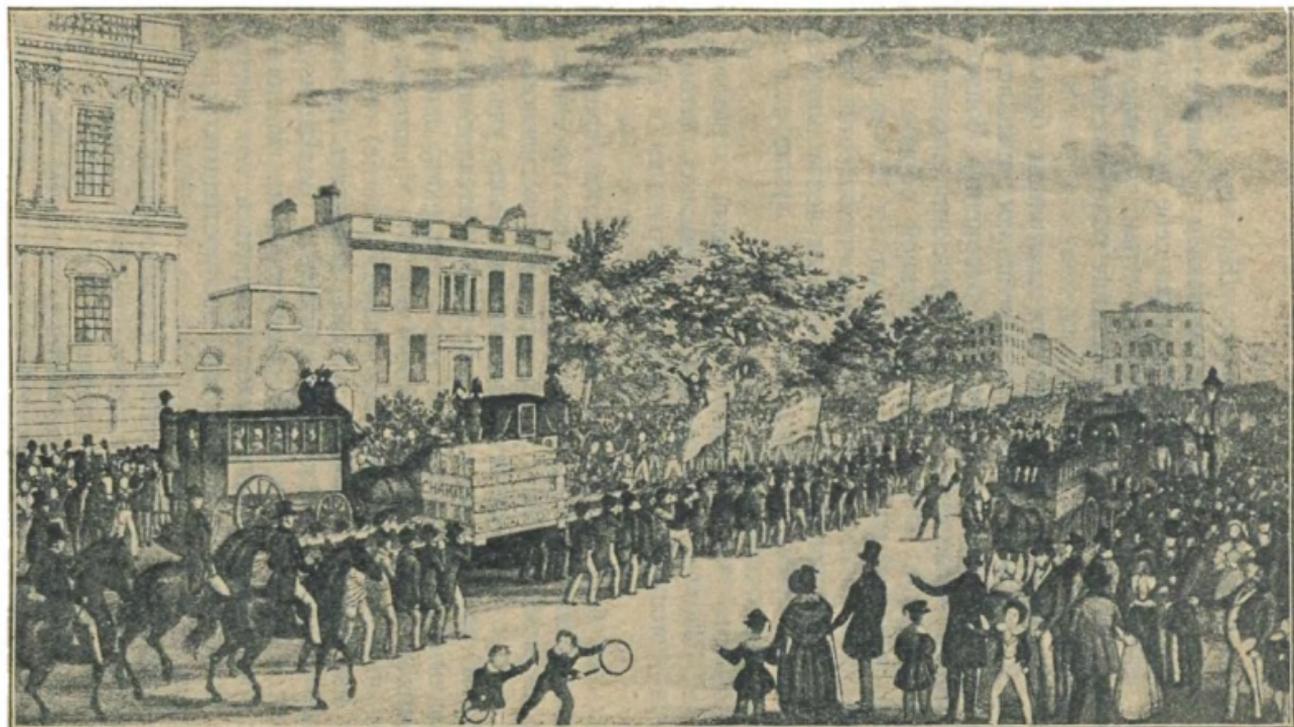
12 мая 1839 г. Бланки и его товарищи решили устроить в Париже восстание. Эта попытка захватить власть окончилась неудачей. Члены «Союза Справедливых» приняли участие в этой борьбе и разделили с французскими товарищами все последствия неудачи.

После нескольких месяцев тюремного заключения Шаппер и Бауэр были изгнаны из пределов Франции и направились в Лондон. Другие члены «Союза Справедливых», как Вейтлинг, направились в Швейцарию. Союз, как целое, перестал существовать, но отдельные члены его продолжали свою работу.

Шаппер и Бауэр очутились в Лондоне в совершенно другой среде, чем их товарищи, попавшие в Швейцарию. В Англии тогда уже начиналось широкое рабочее движение. Обманутые буржуазией в 1832, они уже в 1836 г. основали Лондонское общество рабочих, которое повело деятельную борьбу за всеобщее избирательное право. К 1840 г. это движение, под именем чартистского, представляло уже крупную силу. Когда в 1842 г. чартисты подали в парламент петицию (письменное заявление) с требованием всеобщего избирательного права, то она была покрыта тремя миллионами подписей.

Шаппер и Бауэр быстро завязали сношения с немецкими рабочими, которых было очень много в лондонской портняжной и строительной промышленности, и основали в феврале 1840 г. общество самообразования для немецких рабочих. Кроме них, теперь выдвинулись маляр Пфендер, часовщик Молль, портной Эккариус.

В обществе читались доклады и велись страстные дискуссии по «текущему моменту». Шаппер и его друзья в то же время поддерживали тесные сношения с французскими революционерами, которые тоже выбрали Лондон своим местопребыванием, и с английскими чартистами. Летом 1844 г. в Лондон приехал, после различных мытарств, высланный из Швейцарии за коммунистическую пропаганду Вейтлинг. Его очень дружно и горячо приветствовали в Лондоне. В честь его устроили митинг. Это было первое большое международное

Шествие чартистов 2 мая 1842 г. с петицией (3.300.000 подписей).

собрание в Лондоне, в котором принимали участие англичане, немцы, французы и поляки.

Уже в октябре 1844 г., по почину Шаппера, было основано международное общество под названием «Демократические друзья всех народов», которое ставило себе целью сближение между революционерами различных стран, укрепление братства между всеми народами, завоевание политических и общественных прав.

Вейтлинг нашел в своих старых товарищах большую поддержку. В то время, как он в Швейцарии вращался только среди мещан и ремесленников, его товарищи в Лондоне завязали самые тесные сношения с английскими пролетариями и приняли участие в их непосредственной борьбе. Они уже сделали свои выводы из неудачного опыта 12 мая 1839 г. и, признав, что такие бунтарские попытки являются нецелесообразными, считали теперь необходимым вести просветительную работу среди пролетариев, чтобы лучше подготовить их для предстоящей им задачи.

Разногласия эти приняли более острый характер после того, как Шаппер и его друзья познакомились летом 1845 г. в двумя немецкими коммунистами—Марксом и Энгельсом.

Оба они были выходцами из буржуазной среды. Маркс (родился 5 мая 1818 г.) был сыном адвоката, Энгельс (родился 28 ноября 1820 г.) был сыном текстильного фабриканта. Оба с молодых лет приняли деятельное участие в той борьбе, которая велась тогда немецкой «интеллигенцией» (образованными людьми) против гнета монархии, дворянства и чиновников. Но уже очень скоро оба они пришли к заключению, что чистая демократия (народовластие) не представляет настоящего выхода, что она оставляет нетронутыми главные основы современного общества, разделение его на богатых и бедных. Оба стали коммунистами, но они—в особенности Маркс—не могли удовлетвориться тем учением, которое тогда больше всего было распространено среди коммунистов.

Маркс уже в 1844 г. пришел к заключению, что «интеллигенция» сама по себе бессильна в борьбе с буржуазным обществом, что она может только разрабатывать науку о переустройстве общества, но ни путем пропаганды, ни путем восстания, подготовленного маленькой горстью даже очень решительных лю-

дей, она не сумеет добиться коренного переворота всех общественных отношений. Это может сделать только такой общественный класс, т.-е. разряд людей, связанных в данном обществе одинаковым положением, одинаковыми интересами, который—хочешь, не хочешь—вынужден вести борьбу с этим обществом, если желает избавиться от гнета и эксплуатации. Таким классом, по его мнению, мог быть только пролетариат. В то время, как другие классы так или иначе заинтересованы в сохранении существующего общества, основой которого является частная собственность на средства производства, пролетариат является единственным классом, который тем и отличается, что лишен этой частной собственности. Именно поэтому он вынужден продавать свою рабочую силу, как товар, соглашаться на эксплуатацию. Освободиться от этого унижительного положения он может только тогда, когда будет преобразовано все общество, когда уничтожена будет частная собственность на средства производства, когда установлена будет общественная собственность и исчезнет таким образом всякая эксплуатация человека человеком. Пролетариат должен сознать свои общие классовые интересы, усвоить себе науку и произвести революцию. Союз между наукой и пролетариатом делает их непобедимыми.

Этот основной взгляд усвоил себе и Энгельс, который тогда работал над книгой о «Положении рабочего класса в Англии». Вместе они продолжали исследовать природу пролетарской борьбы, условия, при которых она возникает и развивается, которые из нее вытекают. Зимой 1845—46 гг. они разработали главные основы своего учения.

Оказалось, что пролетарская борьба не есть случайное явление, что она возникла, как неизбежное следствие новых общественных отношений, что она неустранима, пока не будет осуществлена ее цель. Оказалось, что экономические, хозяйственные отношения, которым прежние коммунисты не придавали никакого значения, составляют, наоборот, основу, на которой вырастают каждый раз новые общественные формы (виды), на которой возникают каждый раз новые классовые противоположности, новые классы, борьбой которых определяется жизнь общества. Оказалось, что развитие пролетариата так же неизбежно, как развитие буржуазии. А отсюда вытекало, что пролетариат должен был последовать примеру буржуазии в передовых странах, должен был осознать свои цели

и задачи, организоваться в особую партию и преобразовать все общество согласно этим целям.

Маркс и Энгельс, которые не были только учеными, книжниками, развили теперь широкую агитацию за свое учение. Брюссель, где они тогда жили, являлся по своей близости к немецкой границе удобным местом для сношений с немецкими рабочими, многие из которых заезжали туда. Маркс и Энгельс скоро стали в центре всей тогдашней работы среди немецких рабочих. Чтобы подготовить более широкую организацию, они предложили своим единомышленникам организовать в различных городах среди существовавших тогда рабочих обществ самообразования особые ячейки, которые были названы комитетами для сношений. Каждая из них должна была находиться в связи с брюссельским комитетом. Такие ячейки были устроены в Лондоне, где в нее вошли Шаппер, Молль и их друзья, и в Париже, где работал, главным образом, переехавший туда Энгельс. Всюду происходила страстная борьба, всюду велась самая оживленная дискуссия. Новая точка зрения раньше всего победила в Брюсселе и Лондоне. С Вейтлингом разошлись не только Маркс и Энгельс, но и его старые лондонские друзья. Вместе с одним студентом—Криге, который проповедывал особый коммунизм, основанный на «любви» и чужавшийся борьбы классов, он скоро уехал в Америку.

После неудачной попытки созвать съезд всех коммунистических ячеек в Бельгии, в городе Вербье, на самой границе с Германией, был созван съезд в Лондоне летом 1847 г. Прежде всего была создана новая организация, которая с самого начала получила международный характер. Целью союза поставлено было свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого буржуазного общества, основанного на борьбе классов, основание нового общества без классов и частной собственности.

Устав союза был построен на основах демократического централизма. Комитеты—местные, областные, центральный—были выборными и сменяемыми. Верховным органом был съезд союза. Принятый устав должен был еще быть рассмотрен местными комитетами и вновь обсужден на следующем съезде.

Решено было издавать свой журнал. Пробный номер появился в сентябре 1847 г. На первой странице его мы

встречаем новый лозунг, принятый союзом: «Пролетарни всех стран, соединяйтесь!»

Этот классовый лозунг, резко подчеркивающий классовый характер нового союза, был предложен Марксом вместо старого, неопределенного лозунга: «Все люди—братья».

Второй съезд состоялся в ноябре—декабре 1847 г. После долгих прений были приняты новый устав и основные начала новой программы. Составление ее в виде особого Манифеста было поручено Марксу, который использовал для своей работы и проект, составленный Энгельсом.

Маркс принялся за работу. Сознвая, что на нем лежала великая ответственность, что программа, которая должна была изложить впервые перед всем миром цели и задачи пролетариата, не могла быть написана с пылу, с жару,—он долго ее обрабатывал.

Центральный комитет союза, местопребыванием которого был выбран Лондон, в конце концов, потерял терпение и, за подписью Шаппера, Молля и Бауэра, послал Марксу 26 января 1848 г. строгое напоминание, что если он не доставит Манифеста к 1 февраля, он должен отослать назад все предоставленные ему документы.

Маркс отослал Манифест в феврале, и он немедленно был напечатан. По всей вероятности, это было не раньше третьей недели февраля. Центральный комитет имел основания гордиться Маркса. В январе уже начались сильные волнения в Италии, а 24 февраля разразилась революция в Париже (февральская революция), за которой последовала революция в Вене и Берлине (мартовская революция).

Но если Манифест был опубликован слишком поздно, чтобы оказать влияние на подготовку революции 1848 г., то он все же стал программой всего международного рабочего движения. На каких-нибудь 23-х страницах—а столько их было в первом издании, напечатанном в рабочей типографии,—Манифест давал борющемуся пролетариату верную и точную картину современного буржуазного общества и той борьбы классов, которая неизбежно развивается на его почве. Он показывал, как неизбежно развивалась буржуазия, как изменялись условия ее существования в зависимости от изменения экономических отношений, от смены различных форм промышленности, как она вынуждена была вступить в борьбу со старым

дворянским обществом. Так же отчетливо и ярко прослежены все ступени развития пролетариата, который неотступно следует за буржуазией. Манифест показал, что борьба рабочих возникает не под влиянием агитаторов, всяких преступных внушителей, как это думали буржуазия, полицейские и жандармы, что она неизбежно развивается в капиталистическом обществе, что пролетарская борьба проходит ряд ступеней от единичных стычек до генерального сражения с буржуазным обществом.

Манифест в сжатых, отчеканенных положениях изложил главные требования коммунистов и подверг уничтожающей критике возражения буржуазных ученых.

Манифест разобрал все разнообразные течения, которые существовали тогда среди социалистов и коммунистов. Он противопоставил им всем революционную программу нового пролетарского, научного коммунизма.

Манифест четко и твердо начертил основные линии поведения коммунистов во время революции.

Манифест дал пролетариату ключ к объяснению прошлого и настоящего, он научил его разбираться в тех материальных отношениях, тех условиях производства и распределения, которые определяют собою все общественные и политические отношения, он дал ему в руки такое могучее орудие, как материалистическое понимание истории, он дал ему такую способность предвидения будущего, которой не обладал еще в истории ни один класс, боровшийся за свое освобождение.

В течение 75 лет, которые прошли со времени опубликования этой маленькой книжечки, в мире произошли глубочайшие перемены. Но в этом вихре событий Манифест устоял непоколебимо, как воздвигнутый на прочном граните высокий маяк, свет которого и теперь служит еще путеводной звездой мировому пролетариату.

Менее прочным оказался Союз Коммунистов, только что основанный. Он, как целое, играл во время революции очень незначительную роль. Только отдельные члены его, но не как представители организации, а лично, принимали участие в революции и тем более плодотворно, чем лучше они усвоили себе основные мысли Манифеста.

После поражения революции многие члены Союза опять собрались в Лондоне. Сделана была попытка возобновить его,

но разногласия привели скоро к расколу. Меньшинство, не считаясь с условиями действительности, хотело во что бы то ни стало сейчас же устроить новую революцию. Большинство, во главе которого стояли Маркс и Энгельс, доказывало необходимость предварительно укрепить организацию и выждать более удобного времени. Оно старалось возобновить связи с Германией, но эта попытка окончилась неудачей. Наиболее видные члены его были прослежены и арестованы. После полуторогодичного заключения они были в конце 1852 г. преданы суду в Кельне и приговорены к тюремному заключению от трех до шести лет. Союз Коммунистов в Лондоне, потеряв всякие связи с Германией, объявил себя распущенным.

Прошло двенадцать лет, пока европейское рабочее движение настолько оправилось, что можно было подумать о создании новой международной организации. Почин на этот раз принадлежал французским и английским рабочим, но задача составления программы и устава Международного Товарищества Рабочих, основанного 28 сентября 1864 г. в Лондоне, выпала на долю Маркса. В течение девяти лет новый Интернационал—его называют Первым Интернационалом—руководил всем европейским и американским рабочим движением.

Поражение Коммуны, этой первой попытки рабочего класса овладеть политической властью, нанесло главный удар Первому Интернационалу. К этому присоединилась борьба анархистов против генерального совета. В 1876 г. Первый Интернационал прекратил свое существование.

Из его обломков создались в различных странах партии рабочего класса. В 1889 г. они собрались на международный конгресс в Париже и основали Второй Интернационал, который после 25-ти лет так позорно сдался на милость буржуазному миру в августе 1914 г.

Вместо того, чтобы соединиться против буржуазии, рабочие партии Второго Интернационала начали, во имя спасения буржуазного отечества и под предводительством своей буржуазии, истреблять друг друга.

Только русский пролетариат сделал героическую попытку выйти из этой всемирной бойни. Ему удалось справиться со своей буржуазией и, опираясь на крестьянство, захватить политическую власть 25 октября (7 ноября) 1917 г. А в 1918 г. наша партия решила отказаться от прежнего названия (социал-демократическая), которое было теперь затаскано и за-

пачкано соглашателями, и принять старое название коммунистов. Пред нею был тот же выбор, который когда-то стоял пред Союзом Коммунистов.

«Социализм означал в 1847 г. буржуазное движение, коммунизм—движение рабочих. Для социализма, по крайней мере на континенте, были открыты двери салонов, перед коммунизмом они были крепко заперты. А так как мы уже тогда твердо держались того убеждения, что «освобождение рабочих должно быть делом самого рабочего класса», то мы не могли ни на минуту колебаться, какое из этих двух названий нам следует выбрать, и впоследствии нам тоже никогда не приходило в голову отказаться от него».

Так пишет Энгельс. Теперь тоже социал-демократия означает в той или иной степени соглашение и примирение с буржуазией, коммунизм—непримиримую классовую борьбу пролетариата.

Поэтому и новый Интернационал, основанный в Москве в 1919 г., принял, в отличие от обанкротившегося Второго Интернационала, название Коммунистического Интернационала, поддерживая таким образом славные заветы Коммунистического Манифеста.

Д. Рязанов.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ

ВСТУПЛЕНИЕ

Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма. Для священной травли этого призрака соединились все силы старой Европы,—папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские.

Назовите такую оппозиционную партию, которую не ославили бы коммунистической ее противники, стоящие у власти, назовите такую оппозиционную партию, которая не посылала бы обратно клеймящего упрека в коммунизме более передовым представителям оппозиции или своим реакционным противникам!

Из этого факта следуют два вывода.

Коммунизм признается уже силою всеми европейскими державами.

Пора уже коммунистам открыто изложить перед целым светом свое мировоззрение, свои цели, свои стремления и сказке о призраке коммунизма противопоставить Манифест самой коммунистической партии.

С этой целью коммунисты различных национальностей собрались в Лондон и составили следующий Манифест для обнародования его на английском, французском, немецком, итальянском, фламандском и датском языках.

I. БУРЖУА И ПРОЛЕТАРИИ

История всего предшествующего общества есть история борьбы классов 1).

Свободный и раб, патриций и плебей, барон и крепостной, цеховой мастер и подмастерье, короче, угнетатели и угнетаемые находились в постоянной вражде друг с другом, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, которая каждый раз кончалась революционным переустройством всего общества или совместной гибелью борющихся классов.

В предшествовавшие эпохи истории мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, многообразную лестницу различных общественных положений. В древнем мире мы встречаем патрициев, всадников, плебеев и рабов; в средние века феодалов, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев и крепостных и почти в каждом из этих классов еще особые подразделения.

Выросшее на развалинах феодализма современное буржуазное общество не уничтожило различия классов. Оно только поставило новые классы на место старых, выработало новые способы угнетения и новые виды борьбы.

Наша эпоха,—эпоха буржуазии,—отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия. Общество все

---

1) Говоря точно, та история, о которой существуют письменные свидетельства. В 1847 г. была еще почти совершенно неизвестна история первобытного общества, общественная организация, предшествующая всякой писаной истории. С тех пор Гакстгаузен открыл общинное землепользование в России, а Маурер показал, что оно было общественной основой, от которой отправлялись в своем историческом развитии все германские племена. Постепенно оказалось также, что сельская община с общинным землепользованием была первоначальной формой общества от Индии до Ирландии. Наконец, внутренняя организация этого первобытного общества в его типичной форме раскрыта была Морганом, выяснившим истинный характер рода (генс) и место, занимаемое родом в племени. Со времени разложения первобытной общины начинается разделение общества на различные, а затем противоположные классы. (Примечание Энгельса к последнему изданию Манифеста.)

более и более разделяется на два больших враждебных лагеря, на два больших, стоящих друг против друга класса: буржуазию и пролетариат.

Из средневековых крепостных образовалось мещанское население первых городов; из этого мещанства развились первые элементы буржуазии.

Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало новое поприще для растущей буржуазии. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества орудий обращения и вообще товаров дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем значительно ускорили развитие революционного элемента в разлагавшемся феодальном обществе.

Прежний феодальный цеховой способ производства не в состоянии был удовлетворить спрос, развивавшийся вместе с открытием новых рынков. Место его заняла мануфактура. Цеховые мастера вытеснены были промышленным средним сословием; разделение труда между различными корпорациями исчезло перед разделением труда внутри мастерской.

Но рынок все более расширялся, спрос постоянно увеличивался. Мануфактурный способ производства, в свою очередь, оказался недостаточным. Тогда пар и машина произвели революцию в промышленности. Место мануфактуры заняла нынешняя крупная промышленность; место промышленного среднего сословия—миллионеры-промышленники, предводители целых промышленных армий, современные буржуа.

Крупная промышленность создала всемирный рынок, подготовленный открытием Америки. Всемирный рынок вызвал колоссальное развитие торговли, мореплавания и средств сухопутного сообщения. Это снова повлияло на развитие промышленности, и в той же степени, в какой росли промышленность, торговля, мореплавание и железные дороги, развивалась буржуазия, увеличивались ее капиталы, и она отодвигала на задний план все классы, унаследованные от средневекового общества.

Мы видим, таким образом, что буржуазия является продук-

том длинного хода развития, целого ряда переворотов в способах производства и сообщения.

Каждая из этих ступеней развития буржуазии сопровождалась соответствующими ей политическими завоеваниями. То угнетенное под игом феодалов сословие, то вооруженная и самоуправляющаяся ассоциация в городской коммуне ¹⁾, здесь независимая городская республика, там третье податное сословие монархического государства, затем, в эпоху мануфактуры, противовес дворянству в монархии абсолютной или сословной,—буржуазия, вообще послужившая главной основой больших монархий, завоевала себе, наконец, с появлением крупной промышленности и всемирного рынка, исключительную политическую власть в новейшем конституционном государстве. Современная государственная власть есть не что иное, как комитет, заведующий общественными делами буржуазии.

Буржуазия играла в истории в высшей степени революционную роль.

Всюду, где она достигла господства, буржуазия разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные нити, связывавшие человека с его наследственными повелителями, и не оставила между людьми никакой связи, кроме голого интереса бессердечного чистогана. В холодной воде эгоистического расчета потопила она священный порыв набожной мечтательности, рыцарского воодушевления и мещанской сентиментальности. Она превратила в меновую стоимость личное достоинство человека и на место бесчисленного множества видов благоприобретенной и патентованной свободы поставила одну, беззащитную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, прямой, бесстыдной и сухой.

Буржуазия лишила обаяния все те почетные роды деятельности, на которые до сих пор смотрели с благоговейным

---

¹⁾ Так называли горожане Италии и Франции свою городскую общину после того, как им удалось или откупить, или отвоевать у своих феодальных господ первые права самоуправления.

трепетом. Врача и юриста, священника и поэта, человека науки она превратила в своих наемных работников.

Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и превратила их в дело простого денежного расчета.

Буржуазия разоблачила, что проявление грубой силы, которой реакция так восхищается в средних веках, имело свое естественное дополнение в самом праздном тунеядстве. Только она показала, что может создать деятельность человека. Она сотворила совершенно иные чудеса, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы, она совершила совсем иные походы, чем переселение народов и крестовые походы.

Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянных переворотов в орудиях производства, а следовательно, и в отношениях производства, а следовательно, и во всех общественных отношениях. Неизменное сохранение старого способа производства было, напротив, первым условием существования всех предшествовавших ей промышленных классов. Постоянные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечное движение и вечная неуверенность отличают буржуазную эпоху от всех предшествовавших. Все прочные заржавелые отношения, с соответствующими им, истари установившимися воззрениями и представлениями, все вновь образовавшиеся оказываются устарелыми, прежде чем успеют окостенеть. Все сословное и недвижимое испаряется, все священное оскверняется, и люди вынуждаются, наконец, взглянуть трезвыми глазами на свои взаимные отношения и свое жизненное положение.

Потребность в постоянно возрастающем сбыте для ее продуктов заставляет буржуазию обегать весь земной шар. Всюду она должна проникнуть, всюду она старается внедриться, всюду она завязывает сношения.

Своей эксплуатацией всемирного рынка буржуазия преобразовала в космополитическом духе производство и потребление всех стран. К великому огорчению реакционеров, она лишила промышленность национальной почвы. Исконные, на-

циональные отрасли промышленности уничтожены или уничтожаются с каждым днём. Они вытесняются новыми отраслями промышленности, введение которых является вопросом жизни для всех цивилизованных наций, теми отраслями промышленности, которые обрабатывают не только местные сырые продукты, но и произведения самых отдаленных стран, и фабричные продукты которых потребляются не только внутри страны, но и во всех частях света. Прежние потребности, удовлетворявшиеся с помощью местных продуктов, заменились новыми, для удовлетворения которых необходимы произведения отдаленнейших стран и разнообразнейших климатов. Прежняя местная национальная замкнутость и самодовление уступают место всестороннему обмену и всесторонней взаимной зависимости народов. И как в области материального, так и в области духовного производства. Плоды умственной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся теперь все более и более невозможными, и из многих национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература.

Быстрым усовершенствованием орудий производства и бесконечно облегченными средствами сообщения буржуазия толкает на путь цивилизации все, даже самые варварские, народы. Низкие цены товаров являются в ее руках той тяжелой артиллерией, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Она заставляет все нации принять буржуазные способы производства под угрозой полного их разорения; она заставляет их усвоить так называемую цивилизацию, т. е. сделаться буржуа. Словом, она творит новый мир по своему образу и подобию.

Буржуазия подчинила деревню господству города. Она вывела к жизни огромные города, в высокой степени увеличила городское население сравнительно с сельским и освободила, таким образом, значительную часть населения от idiotизма деревенской жизни. И рядом с этим подчинением деревни городу она поставила варварские и полуварварские

страны в зависимость от цивилизованных, крестьянские народы—от буржуазных, восток—от запада.

Буржуазия все более и более уничтожает раздробление имущества, населения и средств производства. Она сгустила население, централизовала средства производства и концентрировала собственность в немногих руках. Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями провинции, с различными интересами, законами, управлением и таможенным тарифом, сплотились в одну нацию, с единым правительством, единым законодательством, единым национальным классовым интересом и единою таможенной линией.

Менее, чем во сто лет своего господства, буржуазия создала более могущественные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения, вместе взятые. Подчинение сил природы, машины, применение химии к земледелию и промышленности, пароходы, железные дороги, электрические телеграфы, распашка целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые как бы из земли выросшие населенные... В каком из предшествующих столетий можно было предполагать, что подобные производительные силы дремлют в недрах общественного труда?

Итак, мы видели: средства производства и сообщения, которые послужили основанием для развития буржуазии, зародились еще в феодальном обществе. На известной ступени развития этих средств производства и сообщения, условия, среди которых совершались производство и обмен в феодальном обществе, феодальная организация земледелия и промышленности, словом, феодальные имущественные отношения оказались не соответствующими вызванным к жизни производительным силам. Они мешали производству, а не способствовали ему. Они превратились в столь же многочисленные оковы. Они должны были быть разорваны, и они были разорваны.

Место их заняла свободная конкуренция с соответствующим ей общественным и политическим строем, с экономическим и политическим господством буржуазии.

На наших глазах совершается подобное же движение. Бур-

жуазные условия производства и сообщения, буржуазные имущественные отношения, современное буржуазное общество, как бы волшебством создавшее такие могущественные средства производства и сообщения, походит на волшебника, который не в состоянии справиться с вызванными его заклинаниями подземными силами. Вот уже несколько десятилетий история промышленности и торговли представляет собой историю возмущения современных производительных сил против современной организации производства, против имущественных отношений, этих условий жизни для буржуазии и ее господства. Достаточно назвать торговые кризисы, которые, возвращаясь периодически, все более и более угрожают существованию всего буржуазного общества. Во время кризисов постоянно уничтожается значительная часть не только готовых уже продуктов, но и находящихся в распоряжении общества производительных сил. Во время кризисов появляется эпидемия, которая во все предшествовавшие эпохи показала бы нелепостью, эпидемия излишнего производства. Общество вдруг возвращается на некоторое время в варварское состояние; можно подумать, что голод или всеобщая истребительная война лишила его всех жизненных средств; промышленность и торговля как бы уничтожаются—и почему? Потому, что общество слишком цивилизовано, потому, что оно имеет слишком много жизненных средств, потому, что торговля и промышленность его развиты слишком высоко. Находящиеся в его распоряжении производительные силы не способствуют уже развитию буржуазной цивилизации и буржуазных имущественных отношений; напротив, они стали слишком велики для этих отношений, они встречают в них препятствия, а когда им удастся одолеть эти последние, они приводят в расстройство все буржуазное общество, угрожают существованию буржуазной собственности. Буржуазные отношения оказываются слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство. Каким образом буржуазия устраняет кризисы? С одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил; с другой стороны, посредством завоевания новых и более широкой эксплуатации старых рын-

ков. Следовательно, не чем другим, как подготовлением более широких и сильных кризисов и уменьшением средств противодействия им.

Оружие, которым буржуазия на смерть поразила феодализм, направляется теперь против самой буржуазии.

Но она не только выковала оружие, которое нанесет ей смертельный удар, она также породила и людей, которые направят это оружие,—современных рабочих, пролетариев.

В той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т.-е. капитал, развивается пролетариат, класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят ее только до тех пор, пока труд их увеличивает капитал. Эти рабочие, вынужденные продавать себя в розницу, представляют собой такой же товар, как и всякий другой предмет торговли, а потому находятся в зависимости от всех случайностей конкуренции, от всех колебаний рынка.

Работа этих пролетариев, благодаря машинам и разделению труда, совершенно лишилась самостоятельного характера и потеряла поэтому всякую привлекательность для рабочих.

Рабочий сделался простым придатком к машине, от которого требуется лишь ряд самых простых, самых однообразных, легче всего изучаемых движений. Издержки на рабочих ограничиваются поэтому почти одними только средствами существования, в которых он нуждается для своего содержания и поддержания своей расы. А цена всякого товара, следовательно, и труда, равняется издержкам его производства. Поэтому, чем более труд теряет свою привлекательность, тем более падает и заработная плата. Даже более: в той же степени, в которой возрастает применение машин и разделение труда, возрастает и тяжесть труда. Это достигается либо при помощи удлинения рабочего дня, или путем увеличения напряжения, требуемого от рабочего в данное время, посредством ускорения движения машин и так далее.

Современная промышленность превратила маленькую мастерскую патриархального ремесленника в большую фабрику капиталиста. Скущенные на фабриках массы рабочих органи-

зуются по-солдатски. Как рядовые промышленной армии, становятся они под надзор целой иерархии унтер-офицеров и офицеров. Они рабы не только целого класса буржуазии, буржуазного государства; ежедневно и ежечасно поработаются они машиной, надсмотрщиками, а прежде всего, разумеется, самим буржуа-предпринимателем. И тем мелочнее, тем ненавистнее становится этот деспотизм, тем более оставляет он горечи, чем откровеннее провозглашается нажива его последней целью.

Чем менее ловкости и силы требует ручной труд, т.-е. чем более развивается современная промышленность, тем более труд мужской вытесняется трудом женским. По отношению к рабочему классу различие пола и возраста утрачивает всякое общественное значение. Существуют только рабочие инструменты, цена которых изменяется сообразно с возрастом и полом.

Когда фабриканты выжимают все, что можно, из рабочих, и последние получают, наконец, свою заработную плату, на них набрасываются другие части буржуазии: домовладельцы, лавочники, ростовщики и т. д.

Прежние низшие слои среднего сословия, мелкие промышленники, купцы и рантье, ремесленники и крестьяне, все эти классы все более и более опускаются в ряды пролетариата, частью потому, что их незначительный капитал недостаточен для крупного производства и не выдерживает конкуренции больших капиталов, частью потому, что их техническая ловкость теряет свое значение при новых способах производства. Так рекрутируется пролетариат из всех классов населения.

Пролетариат проходит через различные ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается с самым его существованием.

Сначала рабочие борются поодиночке, потом сплываются рабочие одной фабрики, далее—одной отрасли промышленности в известной местности против отдельных, непосредственно их эксплуатирующих буржуа. Они нападают не только на буржуазные условия производства, но и на самые средства

производства, они разбивают машины, уничтожают иностранные конкурирующие товары, поджигают фабрики, они стараются восстановить разрушенное положение средневекового рабочего.

На этой ступени развития рабочие представляют собой рассеянную по всей стране и разъединенную конкуренцией массу. Массовые движения рабочих не являются тогда следствием самостоятельного их сплочения, но вызываются буржуазией, которая, для достижения своих политических целей, должна и пока еще может приводить в движение весь рабочий класс. На этой ступени рабочие борются, следовательно, не со своим собственным неприятелем, они побивают врагов своих врагов—остатки абсолютной монархии, поземельных собственников, непромышленную буржуазию, мелкую буржуазию. Все историческое движение концентрируется, таким образом, в руках буржуазии. Каждая победа, которую удастся одержать этим путем, есть победа буржуазии.

Но с развитием промышленности увеличивается не только численный состав пролетариата; он группируется в большие массы, сила его растет и он все более сознает ее. Интересы и жизненное положение рабочих все более и более приводятся к одному уровню, так как машинное производство все более и более стирает различие между всеми отраслями труда и почти всюду низводит рабочую плату до одинаково низкого уровня. Усиливающаяся конкуренция предпринимателей и вызываемые ею торговые кризисы обуславливают более сильные колебания заработной платы; непрерывное совершенствование машин, развивающееся с возрастающей быстротой, делает жизненное положение рабочих все менее и менее обеспеченным; столкновения между отдельными работниками и предпринимателями все более и более принимают характер столкновений двух классов общества. Рабочие начинают устраивать коалиции для совместной борьбы против буржуа; совокупными силами отстаивают они свою заработную плату. Они устраивают даже постоянные союзы, которые могли бы поддержать их в минуты активной борьбы. Местами борьба эта переходит в открытые восстания.

Иногда рабочие остаются победителями, но ненадолго. Существенным результатом их борьбы является не непосредственный успех, но все более возрастающее сплачивание их между собой. Ему способствует вызываемое развитием крупной промышленности улучшение средств сообщения, которое приводит в соприкосновение рабочих различных местностей. Только это соприкосновение и нужно, чтобы борьбу рабочих отдельных местностей, повсюду носящую один и тот же характер, превратить в национальную классовую борьбу. Но всякая классовая борьба есть борьба политическая. И объединение, для которого средневековым гражданам, с их проселочными дорогами, нужны были столетия, совершается современными рабочими, благодаря железным дорогам, в немногие годы.

Эта организация пролетариев в отдельный класс, а вместе с тем и в политическую партию, ежеминутно разбивается конкуренцией рабочих между собою. Но она возникает снова и снова, каждый раз крепче, сильнее, могущественнее. Пользуясь взаимными несогласиями различных слоев буржуазии, она добивается признания некоторых интересов рабочих в форме закона. Так было с десятичасовым биллем в Англии.

Несогласия внутри старого общества всегда способствуют, так или иначе, развитию пролетариата. Буржуазия ведет постоянную борьбу: сначала—против аристократии, потом против тех слоев своего класса, интересам которых противоречит развитие крупной промышленности, и постоянно против буржуазии других государств. В каждом из этих случаев буржуазия вынуждена обращаться к пролетариату, просить его о помощи и вовлекать его, таким образом, в политическое движение. Она сама передает, следовательно, пролетариату элементы своего собственного образования, т.-е. вручает ему оружие против себя самой.

К тому же, как мы видели, прогресс промышленности толкает целые слои господствующего класса в ряды пролетариата или, по крайней мере, угрожает их условиям существования. Они также являются воспитательным элементом в среде пролетариата.

Наконец, в те периоды, когда борьба классов близится к развязке, процесс разложения в среде господствующего класса, внутри всего старого общества, принимает такой сильный, такой резкий характер, что некоторая часть господствующего класса отделяется от него и примыкает в революционному классу, несущему знамя будущего. Как часть дворянства соединилась некогда с буржуазией, так переходит теперь к пролетариату часть буржуазии, именно буржуа-идеологи, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения.

Из всех классов, противостоящих теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности; пролетариат же именно ею и создается.

Средние слои, мелкие промышленники, мелкие купцы, ремесленники, крестьяне, все они борются против буржуазии, чтобы отстоять свое существование, как средних слоев. Следовательно, они не революционны, а консервативны. Более того, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не современные, но будущие свои интересы, поскольку они покидают свою точку зрения и становятся на точку зрения пролетариата.

Пролетариат оборванцев (люмпен-пролетариат), этот пассивный продукт разложения самых низших слоев старого общества, местами вовлекается в движение пролетарской революцией, но, по всей своей жизненной обстановке, он гораздо более склонен продавать себя для реакционных козней.

Жизненные условия старого общества уже уничтожены в жизненных условиях пролетариата. Пролетарий не имеет собственности; его отношения к жене и детям не имеют ничего общего с буржуазными семейными отношениями; современный промышленный труд, современное иго капитала, одинаковое как в Англии, так и во Франции, как в Америке, так и в Германии, стерло с него всякий национальный характер. За-

коны, мораль, религия являются для него не более, как буржуазными предрассудками, под которыми скрываются те или другие буржуазные интересы.

Все предшествующие пролетариату классы, достигая господства, старались упрочить уже приобретенное ими общественное положение, ставя все общество в условия, наиболее благоприятные для их обогащения. Пролетарии же могут овладеть общественными производительными силами только тогда, когда уничтожат свой собственный, а вместе с тем и все современные способы приобретения имущества. Пролетариям нечего упрочивать, они должны, напротив, разрушать все упрочившиеся способы частного обогащения и частного обеспечения.

Все возникавшие до сих пор движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Движение пролетариата есть самостоятельное движение подавляющего большинства в интересах подавляющего большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться, не уничтожая в прах всю возвышающуюся над ним надстройку из слоев, образующих официальное общество.

Если не по сущности, то по форме борьба пролетариата против буржуазии есть прежде всего борьба национальная. Пролетариат каждой страны, естественно, должен прежде всего покончить со своей собственной буржуазией.

Таким образом, очерчивая самые общие фазы развития пролетариата, мы проследили более или менее скрытую гражданскую войну, происходящую в недрах современного общества, вплоть до того пункта, когда эта война превращается в открытую революцию и пролетариат, путем насильственного низвержения буржуазии, кладет основание своему господству.

Все донныне существовавшие виды общественного устройства основывались, как мы видели, на противоположности угнетенных и угнетающих классов. Но, чтобы угнетать известный класс, нужно создать условия, среди которых он мог бы, по крайней мере, поддержать свое подневольное существование. Под гнетом лежащего на нем ига крепостной возвысился, однако, до степени члена коммуны, подобно тому,

как горожанин, несмотря на гнет феодального абсолютизма, вырос до буржуа. Напротив, современный рабочий, вместо того, чтобы возвышаться с прогрессом промышленности, все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится нищим, и нищета развивается еще быстрее, чем население и богатство. Все более делается очевидным, что буржуазия неспособна оставаться господствующим классом и возводить условия своего существования в норму, регулирующую весь общественный строй. Она неспособна к господству, потому что она не может обеспечить своему рабу даже его рабское существование, потому что она вынуждена довести его до такого состояния, в котором она должна кормить его, вместо того, чтобы существовать на его счет. Общество не может более жить под ее властью; другими словами, жизнь буржуазии несовместима с жизнью общества.

Самое важное условие существования и господства буржуазного класса есть накопление богатства в руках частных лиц, образование и умножение капитала. Условие существования капитала есть наемный труд. Наемный труд основывается исключительно на конкуренции рабочих между собою. Прогресс промышленности, безвольным и пассивным носителем которого является буржуазия, ставит на место разъединения рабочих посредством конкуренции революционное объединение посредством ассоциации. С развитием крупной промышленности вырывается, следовательно, из-под ног буржуазии то самое основание, на котором она производит и присваивает себе продукты. Она производит, прежде всего, своих собственных могильщиков. Ее поражение и победа пролетариата одинаково неизбежны.

II. ПРОЛЕТАРИИ И КОММУНИСТЫ

В каком отношении стоят коммунисты к пролетариям вообще?

Коммунисты не составляют какой-либо особой партии, противостоящей другим рабочим партиям.

У них нет таких интересов, которые не совпадали бы с интересами всего пролетариата.

Они не выставляют никаких особых принципов, согласно которым они хотели бы формировать движение пролетариев.

Коммунисты отличаются от других рабочих партий только тем, что, с одной стороны, в движении пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, независимые от национальности, интересы всего пролетариата; с другой стороны—тем, что на различных стадиях развития, через которые проходит борьба пролетариев против буржуазии, они всегда защищают общие интересы движения в его целом.

Таким образом, коммунисты на практике представляют собою самую решительную, всегда толкающую вперед часть рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении они имеют перед остальной массой пролетариата то преимущество, что понимают условия, ход и общие результаты рабочего движения. Ближайшая цель коммунистов та же, что и других рабочих партий: классовая организация пролетариата, свержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти.

Теоретические положения коммунистов ни в каком случае не основываются на идеях и принципах, открытых и установленных тем или другим обновителем мира.

Они представляют собою лишь общее выражение действительных условий существующей ныне борьбы классов, совершающегося на наших глазах исторического движения. Уничтожение старых форм имущественных отношений не является целью, свойственной исключительно коммунистам.

Имущественные отношения всегда подлежали постоянной исторической смене, постоянным историческим изменениям.

Так, например, французская революция уничтожила феодальную форму собственности в пользу собственности буржуазной.

Характерною особенностью коммунизма является не уничтожение собственности вообще, а уничтожение собственности буржуазной.

Но современная буржуазная частная собственность есть

последнее и самое полное выражение способа производства и присвоения продуктов, основанного на антагонизме классов, на эксплуатации одних другими.

В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности.

Нас, коммунистов, упрекали в том, что мы хотим будто бы уничтожить собственность, приобретенную личным трудом, собственность, служащую основанием личной свободы, самостоятельности и самостоятельности.

Заработанная, нажитая, благоприобретенная собственности! Говорите ли вы о мелко-мещанской и о крестьянской собственности, которая предшествовала собственности буржуазной? Нам нечего уничтожать ее: развитие крупной промышленности уничтожило или уничтожает ее ежедневно.

Или вы говорите о современной буржуазной частной собственности?

Но разве наемный труд, труд пролетария, создает ему собственность? Никогда. Его труд создает капитал, т.е. собственность, эксплуатирующую наемный труд, собственность, которая может умножаться только тогда, когда она создает новый наемный труд, чтобы вновь его эксплуатировать. В ее теперешнем виде собственность основывается на противоположности между капиталом и наемным трудом. Рассмотрим же обе стороны этой противоположности.

Быть капиталистом—значит занимать в производстве не только личное, но и известное общественное положение. Капитал есть продукт общего труда и может быть приведен в движение лишь совместной деятельностью многих членов, в последнем счете—всех членов общества.

Следовательно, капитал есть не личная, а общественная сила.

Если поэтому капитал будет обращен в общую, всем членам общества принадлежащую собственность, то это не будет превращением личной собственности в общественную. Изменится только общественный характер собственности, она потеряет свой классовый характер.

Перейдем к наемному труду.

Средняя цена наемного труда есть минимум заработной платы, т.-е. сумма жизненных средств, необходимых для поддержания жизни рабочих. Таким образом, того, что приобретает рабочий своею деятельностью, только хватает для поддержки его существования. Мы вовсе не хотим уничтожить это личное присвоение продуктов труда, необходимых для непосредственного поддержания жизни, это присвоение, которое не оставляет никакого чистого дохода, дающего власть над чужим трудом. Мы хотим только уничтожить нищенский характер этого присвоения, благодаря которому рабочий живет лишь для того, чтобы увеличивать капитал, и живет только до тех пор, пока того требуют интересы господствующего класса.

В буржуазном обществе живой труд есть только средство увеличения накопленного труда. В коммунистическом обществе накопленный труд есть только средство расширить, обогатить, повысить уровень жизни рабочего.

Таким образом, в буржуазном обществе прошедшее господствует над настоящим, в коммунистическом—настоящее над ушедшим. В буржуазном обществе капитал самостоятелен и личен, трудящийся же индивидуум несамостоятелен и безличен.

И уничтожение этих-то отношений буржуазия называет уничтожением личности и свободы! И она права. Речь идет, действительно, об уничтожении буржуазной личности, буржуазной самостоятельности и буржуазной свободы.

При современных буржуазных условиях производства под свободой понимают свободу торговли, свободу купли и продажи.

С падением барышничества падает, конечно, и свободное барышничество. Защита свободного барышничества, как и все буржуазные доводы в защиту свободы, имеет смысл лишь по отношению к несвободному барышничеству, к подневольному горожанину средних веков, но не по отношению к коммунистическому уничтожению барышничества, буржуазных условий производства и самой буржуазии.

Вы возмущаетесь тем, что мы хотим уничтожить частную

собственность. Но в вашем теперешнем обществе она уничтожена уже для девяти десятых населения. Она существует именно потому, что не существует для этих девяти десятых. Вы упрекаете нас, следовательно, в том, что мы хотим уничтожить такую собственность, необходимой предпосылкой которой является отсутствие ее у огромного большинства членов общества.

Словом, вы упрекаете нас в том, что мы хотим уничтожить вашу собственность. И, действительно, мы хотим этого.

С той минуты, когда работа не будет более превращаться в капитал, деньги, поземельную ренту, короче—в общественную силу, которая может быть монополизированной, т.-е. с той минуты, когда личная собственность не будет превращаться в собственность буржуазную, с этой минуты, заявляете вы, человеческая личность будет уничтожена.

Вы сами сознаетесь таким образом, что под человеческою личностью вы понимаете только буржуа, обладателя буржуазной собственности. Такая личность, действительно, должна быть уничтожена.

Коммунизм никому не помешает присваивать себе общественные продукты, он устранил только возможность пользоваться этим присвоением для подчинения чужого труда.

Возражают также, что с уничтожением частной собственности прекратится всякая деятельность и воцарится всеобщая лень.

Если бы это опасение было основательно, то буржуазное общество давно уже должно было бы разрушиться благодаря всеобщей неохоте к труду; ведь трудящиеся его члены ничего не приобретают, а приобретающие не трудятся. Все эти опасения сводятся к простой тавтологии, что не будет наемного труда там, где не будет более капитала.

Все возражения против коммунистического способа производства и присвоения материальных продуктов распространялись также и на производство и присвоение продуктов умственного труда. Подобно тому, как уничтожение классовой собственности представляется буржуазии уничтожением самого производства, так и уничтожение классового характера совре-

менного образования кажется ей равносильным уничтожению образования вообще.

Образование, гибель которого она оплакивает, для огромного большинства является не более, как преобразованием в машину.

Но не спорьте же с нами, оценивая уничтожение буржуазной собственности с точки зрения ваших буржуазных понятий о свободе, образовании, праве и т. д. Ваши идеи сами порождены буржуазными условиями производства и собственности, точно так же, как ваше право есть только введенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями существования вашего класса.

Эгоистическое представление, при помощи которого вы превращаете ваши производственные и имущественные отношения из отношений, исторически сложившихся и изменяющихся в ходе развития того же производства, в вечные законы природы и разума, это представление вы разделяете со всеми, прежде вас господствовавшими классами. Когда заходит речь о буржуазной собственности, вы не хотите понять то, что кажется вам понятным, когда говорят о собственности античной или феодальной.

Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов.

На чем держится современная, буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии, но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в открытой проституции.

Буржуазная семья естественно должна будет пасть вместе с падением этого ее дополнения, и обе они вместе исчезнут с исчезновением капитала.

Упрекнете ли вы нас в том, что мы хотим прекратить эксплуатацию детей родителями? Мы заранее сознаемся в этом преступлении.

Но вы утверждаете, что, заменяя домашнее воспитание общественным, мы уничтожаем самые душевные отношения.

А разве ваше воспитание не определяется также обществом? Разве не определяется оно общественными отношениями, внутри которых вы воспитываете, прямым и косвенным вмешательством общества, организацией школ и т. д.? Не коммунисты выдумали влияние общества на воспитание; они только меняют характер воспитания, устраняют влияние на него господствующего класса.

Буржуазные разглагольствования о семье и о воспитании, о задушевных отношениях родителей к детям, внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата благодаря крупной промышленности и чем более дети рабочих превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты.

Но вы, коммунисты, хотите ввести общность жен!—кричит нам хором вся буржуазия.

Буржуа смотрит на свою жену, как на простое орудие производства. Он слышит, что орудия производства должны быть предоставлены в общее пользование, и приходит к тому заключению, что и женщины подвергнутся той же участи.

Он и не подозревает, что речь идет об устранении того положения женщины, в котором она является простым орудием производства.

Впрочем, нет ничего смешнее высоко-нравственного ужаса наших буржуа по поводу воображаемой официальной общности жен коммунистов. Коммунистам не нужно вводить общность жен, она почти всегда существовала.

Не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери пролетариев, не говоря уже об официальной проституции, наши буржуа находят особенное наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга.

В действительности буржуазный брак является общностью жен. Коммунистов можно было бы упрекнуть разве лишь в том, что они хотят поставить официальную, открытую общность жен на место лицемерно скрываемой. Но, само собой разумеется, что с уничтожением современных условий производства исчезнет и создаваемая ими общность жен, т.-е. официальная и неофициальная проституция.

Коммунистов упрекают далее в том, что они хотят будто бы уничтожить отечество, национальность.

Рабочие не имеют отечества. Нельзя лишить их того, чего у них нет. Стремясь прежде всего завоевать политическое господство, организовать в один национальный класс, конституироваться, как нация, пролетариат еще остается национальным, хотя совершенно не в том смысле, как понимает это слово буржуазия.

Национальная обособленность и противоположность интересов различных народов уже теперь все более и более исчезает благодаря развитию буржуазии, свободе торговли, всемирному рынку, однообразию способов производства и соответствующих им жизненных отношений.

Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение. Соединение усилий, по крайней мере, цивилизованных стран есть одно из первых условий освобождения пролетариата.

В той же степени, в какой уничтожена будет эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожается эксплуатация одной нации другою.

Вместе с антагонизмом классов внутри нации падут и враждебные отношения наций между собою.

Обвинения, возводимые на коммунистов с точки зрения религиозной, философской и вообще идеологической, не заслуживают более подробного рассмотрения.

Трудно ли понять, что с образом жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытом меняются также и их представления, их воззрения, их понятия, — словом, все их сознание?

Что же доказывает история идей, если не то, что умственная деятельность преобразуется вместе с материальной? Господствующими идеями данного времени всегда были только идеи господствующего класса.

Говорят об идеях, которые революционизируют все общество; этим выражается только тот факт, что внутри старого общества образовались элементы нового строя, что рядом с разрушением старых условий жизни идет разложение старых идей.

Когда древний мир пришел в упадок, древние религии были побеждены христианством. Когда христианские идеи уступали место просветительным идеям XVIII века, феодальное общество вело борьбу на жизнь или на смерть с революционной тогда буржуазией. Идеи свободы совести и религии выражали собою лишь господство свободной конкуренции в области знания.

«Но,—скажут нам—религиозные, нравственные, философские, политические, правовые и т. п. идеи менялись, конечно, в ходе исторического развития; однако религия, нравственность, философия, политика, право всегда сохранялись в этом непрерывном изменении.

Существуют, кроме того, вечные истины: свобода, справедливость и т. п., которые одинаково принадлежат всем фазам общественного развития. Коммунизм же уничтожает общие истины, он уничтожает религию и нравственность, вместо того, чтобы преобразовать их; он противоречит, следовательно, всему ходу исторического развития».

К чему сводится это обвинение? История всех донныне существовавших обществ основывалась на противоположностях классов, принимавших в различные эпохи различные виды.

Но какую бы форму они ни принимали, эксплуатация одной части общества другою является фактом, общим всем прошлым столетиям. Неудивительно поэтому, что общественное сознание всех веков, несмотря на все различия и на все разнообразие, вращалось до сих пор в известных общих формах, формах сознания, которые исчезнут совершенно лишь с полным уничтожением противоположности классов.

Коммунистическая революция есть самый радикальный разрыв с существующими имущественными отношениями; неудивительно, что она самым радикальным образом разрывает с традиционными идеями.

Оставим, однако, возражения буржуазии против коммунистов.

Мы уже видели выше, что первым шагом рабочей революции должно быть возвышение пролетариата на степень господствующего класса, завоевание демократии.

Пролетариат воспользуется своим политическим господством, чтобы постепенно отнять у буржуазии весь капитал, чтобы централизовать все орудия труда в руках государства, т.-е. организованного в качестве господствующего класса пролетариата, и по возможности скорее увеличить массу производительных сил.

Конечно, сначала это может совершиться только путем деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные условия производства, следовательно, путем мероприятий, которые с экономической точки зрения кажутся недостаточными и ненадежными, но которые в ходе движения перерастут самих себя и неизбежны, как средства для преобразования всего способа производства.

Эти мероприятия будут, конечно, различны в различных странах.

Однако в наиболее цивилизованных странах могли бы почти повсюду быть приняты следующие общие меры:

1. Экспроприация поземельной собственности и обращение поземельной ренты на покрытие государственных расходов.
2. Высокий прогрессивно-подоходный налог.
3. Уничтожение права наследства.
4. Конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков.
5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и исключительной монополией.
6. Централизация транспорта в руках государства.
7. Увеличение числа государственных фабрик и орудий производства, возделывание и улучшение полей по общему плану.
8. Одинаковая трудовая повинность для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.
9. Соединение земледельческого труда с фабричным, постепенное уничтожение различия между городом и деревней.
10. Общественное и даровое воспитание всех детей. Устранение фабричной работы детей в современной ее форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.

Когда в процессе развития будут уничтожены различия классов, и все производство сосредоточится в руках ассоциированных индивидуумов, общественная власть потеряет свой политический характер. Политическая власть, в собственном смысле этого слова, есть организованная сила одного класса, имеющая целью подчинение другого класса. Если пролетариат в борьбе против буржуазии необходимо объединяется, как класс, путем революции становится господствующим классом и, как господствующий класс, насильственно уничтожает старые условия производства, то вместе с последними он уничтожает также и условия существования антагонизма классов, классы вообще, а тем самым и собственное классовое господство.

Место старого буржуазного общества, с его классами и антагонизмом классов, займет ассоциация, в которой свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех.

III. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1) Реакционный социализм

а) Феодалный социализм

Английская и французская аристократия, по самому историческому ее положению, была призвана писать памфлеты против современного буржуазного общества. Во французской июльской революции 1830 года и в английском движении в пользу парламентской реформы она еще раз была побеждена ненавистным ей выскочкой. О серьезной политической борьбе не могло быть более и речи. Оставалась только литературная борьба. Но и в литературе говорить языком времен реставрации было уже невозможно ¹⁾. Чтобы приобрести сочувствие, аристократия должна была сделать вид, что заботится уже не о своих собственных интересах, а со-

¹⁾ Речь идет не об английской реставрации (1660—1689), а о французской (1814—1831).—Примечание Энгельса к английскому изданию.

ставляет свой обвинительный акт против буржуазии только в интересах эксплуатируемого рабочего класса. Она доставляла себе, таким образом, удовольствие сочинять пасквили на своего нового господина и шептать ему на ухо более или менее грозные пророчества.

Так возник феодальный социализм, частью жалоба, частью отголосок прошлого, частью угроза будущего, по временам метко поражающий буржуазию горьким, остроумным и едким суждением, но всегда производящий комическое впечатление полную неспособностью понять ход новейшей истории.

Аристократия потрясла нищенской сумой пролетариев, как знаменем, чтобы собрать вокруг себя народ. Но, последовав за нею, он тотчас же заметил на ее спине старые феодальные гербы и стал разбегаться с громким и непочтительным смехом.

Часть французских легитимистов и «молодая Англия» разыграли эту комедию наилучшим образом.

Когда феодалы доказывают, что их способ эксплуатации имел другой вид, чем современная буржуазная эксплуатация, они забывают при этом, что они эксплуатировали при совершенно других, ныне уже вполне отживших, условиях и обстоятельствах. Когда они указывают, что во время их господства не существовало современного пролетариата, то они забывают, что именно современная буржуазия была необходимым отпрыском их общественного строя.

Впрочем, они так мало скрывают реакционный характер своей критики, что главное обвинение их против буржуазии как раз и состоит в том, что при ее господстве развивается класс, который взорвет на воздух весь старый общественный порядок.

Они упрекают буржуазию гораздо более в том, что она порождает революционный пролетариат, чем в том, что она создала пролетариат вообще.

В политической практике они принимают поэтому участие во всех насильственных мерах против рабочего класса, а в обыденной жизни, вопреки своим напыщенным словозвержениям, любят подбирать золотые яблоки и не без выгоды

обменивают свою «преданность», «любовь», «честь» на шерсть, свекловицу и водку ¹⁾).

Как поп шел всегда рядом с феодалами, так и поповский социализм не отстает от феодального.

Нет ничего легче, как придать христианскому аскетизму социалистический оттенок. Разве христианство не ратовало также против частной собственности, против семьи и государства? Разве не проповедывало оно благотворительности и нищенства, безбрачия и умерщвления плоти, затворничества и церкви? Христианский социализм есть святая вода, которую поп кропит озлобление аристократа.

б) Мелко-буржуазный социализм

Феодальная аристократия—не единственный класс, который был низвергнут буржуазией, условия жизни которого засохли и зачахли в современном буржуазном обществе. Средневековое мещанство и мелкое крестьянство были предшественниками современной буржуазии. В странах, менее развитых в промышленном и торговом отношениях, класс этот и до сих пор прозябает рядом с развивающейся буржуазией.

В тех странах, где развилась современная цивилизация, образовался и, как дополнительная часть буржуазного общества, постоянно вновь образуется новый слой мелкой буржуазии, колеблющейся между пролетариатом и буржуазией. Но конкуренция постоянно сталкивает принадлежащих к этому классу лиц в ряды пролетариата, и они уже начинают предвидеть приближение того момента, когда, с развитием крупной промышленности, они совершенно исчезнут, как самостоятельная часть современного общества, и в торговле, мануфактуре и земледелии будут замещаться надзирателями и прислугой.

¹⁾ Это относится главным образом к Германии, где поземельная аристократия и юнкеры при помощи управляющих обрабатывают большую часть своих имений за собственный счет и являются к тому же крупными производителями свекловицы и водки. Более богатая британская аристократия выше этого, но и она прекрасно умеет вознаграждать себя за падение ренты, отдавая свое имя, чтобы покрыть делишки более или менее сомнительных акционерных кампаний. (Энгельс.)

В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно, что писатели, выступившие в защиту пролетариата против буржуазии, прикладывали к буржуазному режиму мелко-буржуазную и мелко-крестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелко-буржуазной точки зрения. Так возник мелко-буржуазный социализм. Сисмонди стоит во главе этого рода литературы не только во Франции, но также и в Англии.

Этот социализм прекрасно умел подметить противоречия современных условий производства. Он разоблачил мишурные прикрасы экономистов. Он неопровержимо доказал разрушительное действие машин и разделения труда, концентрацию капиталов и землевладения, перепроизводство, кризисы, неизбежную гибель мелкой буржуазии и крестьянства, нищету пролетариата, анархию в производстве, вопиющие неправильности в распределении богатства, разорительную промышленную войну наций между собой, а равно и разложение старых нравов, старых семейных отношений, старых национальностей.

По своему положительному содержанию этот социализм стремится или восстановить старые средства производства и сношения, а вместе с ними и старые имущественные отношения и старое общество; или же он старается насильно удерживать новейшие средства производства и сношения в рамках старых имущественных отношений, которые они уже разбили и необходимо должны были разбить. В обоих случаях он является одновременно реакционным и утопическим.

Цеховая организация промышленности и патриархальное сельское хозяйство являются последним его словом.

В дальнейшем своем развитии направление это вырождается в трусливое нытье.

в) Немецкий или «истинный» социализм

Социалистическая и коммунистическая литература Франции, возникшая под давлением господства буржуазии и служившая литературным выражением борьбы против этого господства, проникла в Германию в то время, когда тамошняя

буржуазия только что начала свою борьбу против феодального абсолютизма.

Немецкие философы, полуфилософы и беллетристы с жадностью набросились на эту литературу. Они забыли только, что французские условия жизни не были перенесены в Германию вместе с французской литературой: в общественных условиях тогдашней Германии эта французская литература лишилась всякого непосредственного практического значения и приняла характер простого литературного течения. Она по необходимости являлась там праздным умозрением о воплощении в жизни человеческой сущности. Так, для немецких философов XVIII века требования первой французской революции имели смысл лишь как требования «практического разума»; волеизъявления революционной французской буржуазии представлялись им законами «чистой воли», как она должна быть, истинно человеческой воли.

Все дело немецких литераторов состояло в том, чтобы согласовать со своей старой философской совестью новые французские идеи, или, вернее, в том, чтобы усвоить себе французские идеи, оставаясь на своей старой философской точке зрения.

Это усвоение совершалось таким же путем, каким происходит усвоение иностранного языка, т. е. посредством перевода.

Известно, что на манускриптах, содержащих в себе классические произведения древнего языческого мира, монахи записывали нелепые жизнеописания католических святых. Немецкие писатели поступили со светской французской литературой как раз наоборот. Под французский оригинал они вписали свои философские бессмыслицы. Так, например, из-под французской критики денежного хозяйства у них проглядывало отчуждение человеческой сущности», из-под французской критики буржуазного государства проступало «уничтожение господства абстрактно-всеобщего» и т. д.

Эту подмену французских рассуждений философскими словопреятиями они окрестили «философией дела», «истинным социализмом», «немецкой наукой социализма», «философским основанием социализма» и т. д.

Французская социалистическая и коммунистическая литература была, таким образом, совершенно выхолощена. И так как в руках немцев она перестала выражать борьбу одного класса против другого, то немцы вообразили, что они преодолели «французскую односторонность», и стали отстаивать, вместо истинных потребностей, потребность в истине, вместо интересов пролетариата—интересы сущности человека, человека, не принадлежащего ни к какому классу и существующего поэтому не в действительности, а в небесных туманностях философской фантазии.

Этот немецкий социализм, так серьезно и так торжественно занимавшийся своими тяжеловесными школьными упражнениями, так громко трубивший о них по всему свету, лишился, однако, мало-по-малу своей педантической невинности.

Борьба немецкой и особенно прусской буржуазии против феодалов и королевского абсолютизма, словом, либеральное движение, приняло более серьезный характер.

«Истинному» социализму представлялся, таким образом, желанный случай противопоставить политическому движению социалистические требования, расточать традиционные проклятия либерализму, представительному правлению, буржуазной конкуренции, буржуазной свободе слова, буржуазному праву, буржуазной свободе и равенству и пропагандировать народной массе, что в этом буржуазном движении она ничего не может выиграть, но скорее рискует потерять все. Немецкий социализм весьма кстати забывал о том, что французская критика, неразумным отголоском которой он явился, предполагает современное буржуазное общество с соответствующими ему материальными условиями существования и подходящей политической конституцией, т.е. именно те предпосылки, о завоевании которых еще шла речь в Германии.

Немецким абсолютным правительствам, со всей их свитою попов, школьных учителей, юнкеров и бюрократов, он служил очень удобным пугалом против угрожающе наступавшей буржуазии. Он составил слащавое дополнение к горьким расправам посредством ударов кнута и ружейных пуль, которыми эти самые правительства отвечали на восстания рабочих.

Если «истинный» социализм стал, таким образом, в руках правительств оружием против немецкой буржуазии, то он и непосредственно представлял реакционные интересы, интересы немецкой мелкой буржуазии.

В Германии мелкая буржуазия, унаследованная еще от XVI столетия и с тех пор постоянно возникающая вновь в той или в другой форме, является настоящей общественной основой существующего порядка вещей.

Сохранение мелкой буржуазии, это—сохранение существующего в Германии порядка вещей. Со страхом ждет она от промышленного и политического господства буржуазии своей верной гибели в силу концентрации капитала, с одной стороны, и вследствие развития революционного пролетариата, с другой,—«истинный» социализм, казалось ей, убивал двух зайцев одним выстрелом. И он распространился, подобно эпидемии.

Сотканный из умозрительной паутины, расшитый причудливыми цветами краснословия, смоченный слезами чувствительного умиления, покров, в который немецкие социалисты облекали свои две-три костлявые «вечные истины», только содействовал сбыту их товаров среди этой публики.

Со своей стороны, немецкий социализм все более сознавал, что его призвание—быть высокопарным защитником этого мещанства.

Немецкую нацию он провозгласил нормальной нацией, а немецкого филистера нормальным человеком. В каждую его низость он вкладывал скрытый высший социалистический смысл, обращавший ее в прямую ее противоположность. Он сделал лишь последний вывод, когда он выступил непосредственно против «грубо-разрушительного» направления коммунизма и провозгласил, что в своем партийном беспристрастии он витает выше всякой борьбы классов. За весьма немногими исключениями, все циркулирующие в Германии, так называемые социалистические и коммунистические писания принадлежат к этой грязной расслабляющей литературе 1).

---

1) Революционная буря 1848 г. унесла все это жалкое направление и отбила у его представителей всякую охоту впредь заниматься

2) Консервативный или буржуазный социализм

Известная часть буржуазии желает устранить социальные бедствия, чтобы упрочить существование буржуазного общества.

К ней принадлежат экономисты, филантропы, гуманные люди, реформаторы, стремящиеся улучшить положение рабочего класса, организаторы благотворительности, покровители животных, учредители обществ трезвости, крохотные реформаторы всевозможных сортов. Этот буржуазный социализм создал даже целые системы.

Для примера укажем на «Философию нищеты» Прудона.

Буржуазные социалисты хотят сохранить основные условия современного общества, устранив борьбу и опасности, составляющие необходимое их следствие. Они хотят иметь современное общество без революционизирующих и разлагающих его элементов. Они хотят буржуазию без пролетариата. Буржуазии естественно кажется лучшим из миров тот мир, в котором она господствует. Буржуазный социализм возводит это радужное представление в более или менее полную систему. Предлагая пролетариату осуществить его системы и вступить, таким образом, в новый Иерусалим, этот социализм в сущности требует только, чтобы рабочий продолжал жить в буржуазном обществе, но перестал его ненавидеть.

Другая, менее систематическая и более практическая форма этого социализма старается отвлечь рабочих от всякого революционного движения, утверждая, что не те или другие политические изменения, а лишь преобразование материальных условий жизни, экономических отношений может принести пользу рабочему классу. Но под преобразованием материальных условий жизни этот социализм понимает вовсе не уничтожение буржуазных условий производства, возможное только путем

социализмом. Главным представителем и классическим типом этого направления является г-н Карл Грюн.

революции, а административные улучшения, совершающиеся на почве этой же самой организации производства, следовательно, ничего не изменяющие в отношениях капитала к наемному труду и, в лучшем случае, только уменьшающие для буржуазии издержки ее господства и упрощающие государственное хозяйство.

Наиболее подходящее для себя выражение буржуазный социализм находит лишь тогда, когда превращается в простую риторическую фигуру.

Свободная торговля в интересах рабочего класса! Покровительственный тариф в интересах рабочего класса! Одинокое тюремное заключение в интересах рабочего класса! Это—единственное искреннее слово буржуазного социализма.

Весь буржуазный социализм заключается в повторении того, что буржуа сделали буржуа единственно в интересах рабочего класса.

3) Критически-утопический социализм и коммунизм

Мы не говорим здесь о литературе, которая во всех великих революциях нового времени выражала требования пролетариата (сочинения Бабефа и т. д.).

Первые попытки пролетариата доставить непосредственное торжество своим классовым интересам, имевшие место во время всеобщего возбуждения умов, в период низвержения феодального строя, необходимо должны были разбиться вследствие неразвитого состояния самого пролетариата и недостатка материальных условий его освобождения, которые сами являются продуктом лишь буржуазной эпохи. Революционная литература, сопутствовавшая этим первым движениям пролетариата, по своему содержанию необходимо является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнивательность.

Собственно коммунистические и социалистические системы Сен-Симона, Фурье, Оуэна и т. д. возникают в первый, неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией,

о котором мы говорили выше. (См. главу «Буржуа и пролетарии».)

Творцы этих систем видят уже противоречия классов, равно как и влияние разрушительных элементов внутри самого господствующего общества. Но они не видят в пролетариате никакой исторической самостоятельности, никакого свойственного ему политического движения.

Так как развитие классовых противоречий идет рука об руку с развитием промышленности, то они, не находя в действительности материальных условий освобождения пролетариата, стараются найти социальную науку, социальные законы, чтобы создать эти условия.

Место общественной самостоятельности должна занять их личная творческая деятельность, место исторических условий освобождения должны занять условия фантастические, место постепенно подвигающейся вперед организации пролетариата в класс—общественная организация их собственного изобретения. Дальнейшая история всего мира сводится для них к пропаганде и практическому осуществлению их социальных планов.

При этом они понимают, правда, что со своими планами они являются выразителями интересов, главным образом, рабочего класса, как более других страдающего класса. Но только в этом качестве более других страдающего класса и существует для них пролетариат.

Неразвитая форма борьбы классов, равно как и собственное их общественное положение, приводят к тому, что они считают себя стоящими выше этого антагонизма классов. Они хотят улучшить положение всех членов общества, не исключая и лучше поставленных. Поэтому они обращаются всегда безразлично ко всему обществу и даже преимущественно к господствующему классу. Ведь достаточно понять их систему, чтобы немедленно признать ее наилучшим планом наилучшего общественного устройства.

Они отвергают поэтому всякую политическую борьбу; они стремятся достигнуть своей цели мирным путем и посредством маленьких, естественно обреченных на неудачи экспериментов

они хотят силою примера проложить путь новому общественному евангелию.

Фантастическое описание будущего общества является в свет в то время, когда пролетариат находится еще в очень неразвитом состоянии и представляет себе свое положение еще совершенно фантастически; оно возникает из его первого, полного предчувствия, порыва к всеобщему преобразованию общества.

Но в этих социалистических и коммунистических произведениях заключаются также и критические элементы. Они затрагивают все основания существующего общества. Они поэтому доставили драгоценный материал для просвещения рабочих. Положительная сторона их учений о будущем обществе, например, уничтожение противоположности между городом и деревней, уничтожение семьи, частной собственности, наемного труда, провозглашение общественной гармонии, превращение государства в простое управление производством,— все эти положения их выражают лишь необходимость устранения того антагонизма классов, который только что начинает тогда развиваться и известен им лишь в его первичной, бесформенной неопределенности. Потому и положения эти имеют еще совершенно утопический характер.

Значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. В той же самой степени, в какой развивается и принимает более определенный характер борьба классов, лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания это фантастическое стремление возвыситься над нею, это фантастически-отрицательное к ней отношение. Поэтому, если основатели этих систем были во многих отношениях революционерами, то их ученики образуют всегда реакционные секты. Они неизменно держатся образа мысли своих учителей, игнорируя весь дальнейший ход развития пролетариата. Вследствие этого они постоянно стараются притупить борьбу классов и смягчить противоречия. Они все еще мечтают об осуществлении своих социалистических утопий на опыте, об учреждении отдельных фаланстеров, об основании коммунистиче-

ских колоний ¹⁾, маленькой Икарии — этого карманного издания нового Иерусалима — и для постройки всех этих выдуманных замков волей-неволей вызывают к человеколюбию буржуазных сердец и кошельков. Мало-по-малу они переходят в категорию описанных выше реакционных и консервативных социалистов, отличаясь от них только более систематическим педантизмом и фанатической верою в чудесные свойства своей социальной науки.

Вот почему с таким ожесточением выступают они против всякого политического движения рабочих, вызываемого, по их мнению, лишь слепым неверием в новое евангелие.

Оуэнисты выступают в Англии против чартистов, фурьесты — во Франции — против реформистов.

IV. ОТНОШЕНИЕ КОММУНИСТОВ К РАЗЛИЧНЫМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПАРТИЯМ

После того, что сказано было во второй главе, отношение коммунистов к уже сложившимся рабочим партиям разумеется само собою, а следовательно, и отношение их к чартистам в Англии и аграрным реформистам в Северной Америке.

Они борются во имя достижения непосредственно данных целей и интересов рабочего класса, но в современном движении они в то же время представляют и будущность этого движения. Во Франции они примыкают к социалистическо-демократической партии ²⁾ против консервативной и радикальной буржуазии, не отказываясь, однако, от права относиться критически к фразам и иллюзиям, переданным революционной традицией.

---

¹⁾ Home colonies (колонии-коммуны) — так называет Оуэн свои коммунистические образцовые общества. Фаланстерами назывались задуманные Фурье общественные дворцы. Икарией называлась утопически-фантастическая страна, коммунистические учреждения которой изображал Кабэ.

²⁾ Партию, называвшуюся тогда во Франции социалистическо-демократической, представлял в политике Ледрю-Роллен, а в литературе Луи Блан; она была, следовательно, как небо от земли, далека от современной немецкой социал-демократии.

В Швейцарии они поддерживают радикалов, ничуть не забывая, что эта партия состоит из противоречивых элементов: частью из демократических социалистов во французском смысле, частью из радикальных буржуа.

Среди поляков коммунисты поддерживают партию, которая ставит аграрную революцию необходимым условием национального освобождения, ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 г.

В Германии коммунистическая партия борется совместно с буржуазией—как только она выступает революционно—против абсолютной монархии, против феодального землевладения и мелкой буржуазии.

Но ни на минуту не перестает она вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата, чтобы немецкие рабочие могли сейчас же использовать общественные и политические условия, которые должно принести с собою господство буржуазии, как оружие против нее же самой, чтобы, сейчас же после крушения реакционных классов в Германии, началась борьба против самой буржуазии.

На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции, потому, что она совершит этот переворот при более прогрессивных условиях европейской цивилизации, вообще с гораздо более развитым пролетариатом, чем в Англии XVII и во Франции XVIII столетия. Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции.

Одним словом, коммунисты поддерживают повсюду всякое революционное движение, направленное против существующих общественных и политических отношений.

Во всех этих движениях они выдвигают на первый план, как основной вопрос всего движения, вопрос о собственности, независимо от того, приобретает ли он более или менее развитую форму.

Наконец, коммунисты повсюду стремятся к соединению и соглашению демократических партий всех стран.

Коммунисты считают излишним скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего современного общественного строя.

Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией. Пролетарии могут потерять в ней только свои цепи. Приобретут же они целый мир.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОЯСНЕНИЯ

ВСТУПЛЕНИЕ

Если не считать слабых зачатков рабочего движения в Северо-Американских Соединенных Штатах, где главным вопросом дня являлось уничтожение рабства негров, то рабочее движение, а вместе с ним и коммунизм, развивались только в Европе, да и то лишь в передовых странах. В России господствовало тогда еще крепостное право, и вопрос об его отмене стал ребром только после революции 1848 г. А пока—русский абсолютизм стоял на страже крепостного порядка. Вот почему и Россия, в лице Николая I, который добровольно взял на себя обязанности европейского жандарма, всюду разыскивающего крамолу, причисляется Марксом и Энгельсом к «силам старой Европы», которая вся насторожилась при виде старого коммунизма. Если Николай I олицетворял собою самодержавие и православие, то Пий IX, римский папа (с 1846 г.), представлял собою католицизм, который так же яростно сражался с коммунистами, как врагами религии и всякого духовного одурманивания народа, православного, католического или лютеранского.

Меттерних был тогда главным министром Австрийской империи, душителем всех стремлений к свободе и гасителем всякого просвещения. Ему мало было того, что он задерживал развитие своей собственной страны. С 1815 г., когда на Венском Конгрессе победившие Наполеона европейские монархи перекроили всю карту Европы, он все время подзуживал соседние государства, чтобы вместе с ними охранять все привилегии старого дворянства и монархии. Это он задумал и осуществил союз прусского короля, австрийского и русского императоров, «священный союз», чтобы бороться со всеми врагами трона и религии.

Не отставал от Меттерниха тогда и Гизо, хотя он был главным министром во Франции, тогда конституционной стране, в которой власть принадлежала финансистам и капиталистам, нашедшим себе подходящего монарха в лице Луи-Филиппа, короля-буржуа. Сам весьма образованный человек и очень выдающийся ученый, один из лучших французских историков, Гизо отдал все свои силы и способности на служение буржуазии, богачам. Обещая им спокойствие и всемерную охрану собственности, он обращался к ним с призывом: *обогащайтесь!* Поэтому главной своей задачей он считал борьбу с социалистами и коммунистами, которые мешали буржуазии спокойно накапливать капиталы. А для этого необходимо было держать рабочих в повиновении и темноте, не давать им никаких политических прав. Он охотно оказывал всякие услуги Меттерниху и прусскому королю, когда речь шла о преследовании революционеров, искавших убежища в Париже. По просьбе прусских властей он выслал Маркса из Парижа.

Французские радикалы были, правда, противниками Гизо и стояли за расширение избирательного права, но с не меньшей яростью отстаивали священные права частной собственности и громили коммунистов, как врагов всякого общественного порядка. Если у нас в старое время, особенно в семидесятых годах, радикалами называли даже социалистов, то более точно считать радикалами людей, которые высказываются за коренное изменение государственного политического устройства, иногда даже очень демократическое, но слышать ничего не хотят об изменении общественного, социального строя.

Немецкие полицейские гонялись тогда за коммунистами и во Франции, и в Бельгии, и в Швейцарии и даже в Англии не оставляли их в покое. Они добились того, что коммуниста Вейтлинга выслали из Швейцарии, а Маркса, как прежде и других немецких коммунистов, из Франции.

До великой французской революции ни в одной европейской стране, кроме Голландии и Англии, не было организованных партий. Борьба классов, которая, как мы сейчас увидим, служит главной подкладкой человеческой истории, находила себе выражение в других формах политического действия. Партия составляется из группы, общества лиц, объединенных общими целями, общими задачами, добивающихся путем спло-

чения, соединения, организации тех или иных изменений в общественном или государственном порядке. В такую партию входят обыкновенно лица, связанные общим положением в общественном производстве, имеющие общие интересы, составляющие в данном обществе особый класс. Партия может быть защитницей и охранительницей существующего общественного строя,—правящей партией, но она может быть недовольна данным общественным или государственным порядком. Тогда она находится в оппозиции к нему, противопоставляет себя ему, выступает против него. Оппозиционная партия борется против господствующей партии. Оппозиция не всегда является однородной, она обнимает разные оппозиционные партии. Так, французские радикалы и французские коммунисты одинаково являлись оппозиционными партиями по отношению к господствующей партии,—к Гизо. И в то же время они боролись друг с другом. В Англии, где долго существовали две партии, торри (главным образом партия крупных землевладельцев и финансовой аристократии) и виги (главным образом, партия землевладельцев, тесно связанных с промышленниками и торговцами), часто случалось, что та самая партия, которая вчера еще была господствующей, правительственной, сегодня становилась оппозиционной, и наоборот. Вообще надо помнить, что слово оппозиционный еще ничего не говорит о социальном содержании такой оппозиции. К числу оппозиционных партий приходится присоединить и реакционные партии; они упорно не хотят мириться с теми изменениями в общественном строе, каковые явились в результате успешной революции, удачного переворота, и хотят повернуть колесо истории назад, восстановить старые порядки.

Накануне революции 1848 г. в передовых европейских странах существовали уже совершенно сложившиеся партии со своими программами. Наряду с буржуазными партиями начали складываться партии, опирающиеся на рабочий класс, выражавшие его стремления, нужды. Самой молодой из них была коммунистическая, которая в Манифесте противопоставила «сказке о призраке коммунизма» свою программу, свое мировоззрение.

К ГЛАВЕ ПЕРВОЙ

История—наука о том, как развивалось и складывалось в течение веков общество, в котором мы живем. Для господствующих классов история имела значение лишь постольку, поскольку она рассказывала о всяких подвигах великих людей, о войнах, которые вели между собою различные народы, о смене одного царя другим, столь же или еще более мудрым и храбрым, чем его предшественник. Герои дрались, теряли или завоевывали страны, а народы покорно шли воевать сегодня против одних, завтра против других, как прикажет им царь или герой. И все же, несмотря на эти битвы и драки, все оставалось по-старому.

Сильные, благородные, богатые наживались и процветали, бедные проливали кровь свою, истощали свои силы на тяжелой работе и все же оставались бедными. История как будто была, ибо поколения сменялись за поколениями, а на деле все оставалось по-старому.

«Так было испокон веков, так же и останется». А тут и поп со своею проповедью. Все это богом заведено. И порядок вещей, выгодный маленькой кучке людей, получает святое крещение, превращается в нечто священное, к чему прикаснуться так же преступно, как оскорбить святыню.

Когда наука была еще целиком на службе у знатных и богатых, она вместе с попами всюду искала и всюду находила тот же порядок, который господствовал и в ее время. Кучка богатых и их ставленник-царь наверху, массы бедняков, трудящихся, чтобы прокормить этих тунеядцев,—вот как представлялась им картина того, что было. Когда в Западной Европе бедняки подняли, наконец, свои головы и в ряде восстаний, переворотов, революций, показали, что существующий строй далеко не так неизменен, как это казалось ученым, то в науке послышались другие голоса. Пришлось пересмотреть много предрассудков, унаследованных от того времени, когда наука находилась в рабстве у властей держащих.

Тогда оказалось, что не было такого времени, когда бы люди жили в одиночку или парами, что люди произошли от таких животных, которые уже жили стадами. Оказалось также, что было время, когда люди не знали ни рабства, ни

угнетения. Они жили маленькими обществами, родами, в которых все производилось сообща, в которых не было ни богатых, ни бедных. Эти роды соединялись в племена, и уже после из этих племен составлялись маленькие народцы.

Это первобытное равенство после исчезло. Те самые племена, которые внутри себя не делились на богатых и бедных, вели упорную борьбу с другими племенами, чтобы захватить для себя землю, уголья, припасы. Общество распалось на поработителей и поработенных, и та самая борьба, которая велась прежде между отдельными родами и племенами, начала загораться внутри самого общества. И теперь друг против друга боролись не отдельные лица, а классы, т.-е. лица, объединенные общими материальными интересами. С тех пор и по нынешнее время вся история человеческого общества есть история борьбы классов.

Историю обыкновенно делят на древнее, среднее и новое время. Так вот и в древнее время, после того, как закончилась доисторическая ступень, мы всюду встречаем борьбу классов.

У древних греков мы находим уже богатых землевладельцев, захвативших большую часть общинной земли, купцов, ремесленников и рабов.

В древнем Риме богатые и родовитые землевладельцы, захватившие в свои руки власть, назывались патрициями, мелкие землевладельцы, крестьяне в деревнях и простые граждане, члены городской общины, потерявшие уже право на землю, назывались плебеями. А рядом с этими классами образовался новый класс, получивший название всадников: он состоял из купцов, менял, ссудчиков, крупных арендаторов, откупщиков. Вследствие многочисленных войн, которые вел Рим, чтобы победить своих торговых соперников, крестьянство теряло свой скот, орудия труда, впадало в долги и обезземеливалось. Таким образом, плебеи все более беднели и лишались всяких средств производства. Так, уже в Риме появились пролетарии, т.-е. люди, не имеющие ни кола, ни двора, единственное богатство которых состоит в детях. Уже в конце второго столетия до рождества Христова выступили на защиту обездоленных плебеев братья Гракхи, платившиеся за это жизнью.

Число рабов в первом столетии до рождества Христова

достигло в Риме таких огромных размеров, что они могли, под предводительством Спартака, устроить восстание, и римским патрициям только с большими усилиями удалось поглотить в потоках крови это восстание.

Борьба классов в древнем Риме очень часто переходила в открытую гражданскую войну, пока эти борющиеся классы сами не были покорены нахлынувшими с Востока германскими племенами ¹⁾. Как раз история древнего Рима представляет пример борьбы классов, которая кончилась, как говорят Маркс и Энгельс, совместной гибелью борющихся классов.

Средними веками называют обыкновенно время, протекавшее от гибели древнего Рима до открытия Америки, т. е. от конца V до конца XV столетия. Общественный строй, господствовавший тогда, называют феодальным, говорят также о господстве феодализма.

В первую половину средних веков мы находим хозяйство, при котором почти все, что производилось, потреблялось непосредственно самими же производителями. Такое хозяйство при котором только очень незначительная часть произведений, продуктов, поступает в обмен, превращается в товар, называется натуральным хозяйством. В деревне таким мелким единичным производителем является крестьянин, вначале еще совершенно свободный. После он часть своих произведений отдает землевладельцу, который берет на себя обязанность руководить военной защитой. Этот землевладелец называется феодалом, сеньором; повинности, которые выплачивал ему крестьянин, — феодальными. Самые крупные землевладельцы имели еще у себя на службе благородных, но более мелких землевладельцев, вассалов, которым они отдавали в управление более или менее крупные участки земли, называвшиеся ленами (лены, ленная система).

В городах, где горожане так же, как и у нас еще в недавнее время в захолустных городах, занимались земледелием, развивались промыслы и торговля. И тут мы находим тоже мелких единичных производителей, ремесленников, которые в первое время производили только по заказу на определенного

---

¹⁾ Нашествие этих германских племен на Европу известно под именем великого переселения народов.

потребителя. Во главе такого мелкого предприятия стоял мастер, имевший одного или двух подмастерьев и одного или нескольких учеников. Мастера, занимавшиеся одним и тем же ремеслом, объединялись в цехи.

Но уже со второй половины средних веков старое натуральное хозяйство начало разлагаться. Все больше развивалось производство на сбыт. Образовалось особое сословие людей, которые изощрялись в искусстве покупать товары там, где они дешевле, и продавать их там, где они всего дороже. Те, которые богатели, приобретали сырой материал по более дешевым ценам, могли выждать и продать свои товары по выгодной цене. Так все более и более выдвигается купец, представитель торгового капитала. Он вмешивается между производителем, цеховым ремесленником, и его потребителем, берет на себя продажу его изделий, а затем и доставку сырья самим ремесленникам. Так постепенно разлагается старое ремесло. Цеховые мастера, чтобы сохранить свое старое благосостояние, нажимают все сильнее на подмастерьев, и, как следствие этого, усиливается классовая борьба внутри класса ремесленников, между его особыми подразделениями, доходщая в Италии и Германии до кровавых восстаний. От этой борьбы выигрывает только торговый капитал, захватывающий в свои руки ремесленное производство и постепенно превращающийся из посредника в настоящего руководителя производства.

Развитие денежного хозяйства, постепенное превращение всех изделий мелкого производства в товары, захватывает все больше и больше и деревенское население. Старый феодал не довольствуется уже повинностями в натуре, он требует от крестьянина денег или увеличивает эти повинности, потому что он теперь имеет возможность превратить все крестьянские дани и оброки в деньги. На место феодала становится теперь помещик, сельский хозяин. Угнетение крестьян растет с каждым днем; все больше повышаются оброки, увеличивается барщина, свободные крестьяне обращаются в обязанных, крепостных, всякими прижимками, насилиями сокращают площадь земли, находящуюся во владении крестьян. И вот с конца XIII века эта глухая борьба между помещиками и крестьянами превращается в открытую гражданскую войну. Одно крестьянское восстание следует за другим. Часто бунтующие крестьяне выставляют, опираясь на священное писа-

ние, не только такие требования, как понижение оброка, смягчение податей и повинностей, но и восстановление общинной собственности на землю. В 1303 г. вспыхивает такое восстание в Северной Италии под предводительством монаха Дольчино. В 1358 г. разражается крестьянская война во Франции, известная под именем Жакерии (от слова Жак или Яков-простак, как называли французского мужика). В 1381 году началось великое крестьянское восстание под предводительством Уота Тайлера в Англии. Крестьяне уже тогда усомнились, действительно ли так вечен тот общественный порядок, святость которого им доказывали попы. Они спрашивали: когда Адам пахал, а Ева прядла, кто был тогда помещиком? Их агитаторы доказывали, что вначале все люди были сотворены равными, что порабощение человека человеком является следствием несправедливых деяний порочных людей, что пора собраться и разделаться с помещиками и несправедливыми судьями.

Крестьянской войной была в основе своей и та гражданская война, которая разгорелась в начале XV века в Чехии и больше известна под названием гуситских войн—по имени Гуса, выступившего против старой католической церкви. Крестьяне в борьбе против помещиков выставили еще более крайние требования. Они хотели установить такое общество, в котором не будет ни богатых, ни бедных, ни господ, ни слуг, где собственность будет почитаться смертным грехом, где не будет ни оброков, ни податей, ни помещиков.

В Германии крестьянские бунты становятся все чаще, начиная со второй половины XV столетия, то в одной местности, то в другой. В 1525 г. «великая крестьянская война» охватывает большую часть Германии. Одним из главных руководителей ее был Томас Мюнцер.

Все эти крестьянские восстания были усмирены с невероятной жестокостью. Какая жгучая ненависть господствовала в отношениях между помещиками и крестьянами, лучше всего видно из песен, былин и рассказов того времени. Для французского помещика все мужики непременно уроды, горбатые и спереди и сзади; для немецкого—крестьянин тот же бык, но только без рог. Лучше всего себя чувствует помещик, когда мужик плачет, хуже всего—когда мужик радуется.

Так свирепствовала борьба классов в средние века, в то доброе старое время, которое попами и дворянами выста-

гаются все больше и больше два новых класса: буржуазия и пролетариат. Они, правда, уже начали складываться во второй половине средних веков, но только с XVI века они приобретают резкий определенный отпечаток.

Развитие этих классов было ускорено рядом событий, имевших место во второй половине XV и в первой половине XVI веков. Все эти события ускорили разложение натурального хозяйства и развитие денежного хозяйства; они расширили область торговли, а вместе с этим дали сильнейший толчок сначала росту торгового, а затем и промышленного капитала.

В средние века люди знали только Европу, часть Северной Африки и западную часть Азии. Сношения с Восточной Азией, о которой распространялись тогда всякие сказки, были очень затруднены вследствие плохого состояния путей сообщения. К тому же на главных перекрестках залегли тогда турки, захватившие в XV столетии и Балканский полуостров и всю переднюю Азию. В силу всех этих причин европейские купцы, в особенности португальские и итальянские, употребляли все усилия, чтобы найти морской путь в Азию.

Уже в 1486 г. Диас, направившись вдоль Африки к югу, достигает мыса Доброй Надежды. В 1492 г. Колумб, отправившись в Азию на запад, по дороге открывает совершенно новую часть света—Америку. В 1498 г. Васко да Гама, по следам Диаса, огибает Африку и открывает морской путь в Индию. В 1519—21 гг. Магеллан и его спутники совершают первое кругосветное путешествие.

Таким образом, для торгового капитала открыто было новое, несравненно более обширное поприще. Из далекой Азии и Ост-Индии можно теперь было вывозить всякие товары. Предприимчивые люди тысячами потянулись в новые страны, особенно в Америку, где европейцы начали устраивать свои колонии, поселения, которые оставались в связи со своей родной страной (метрополия, т.-е. страна-мать), и всячески извлекали пользу из туземного населения, вступая с ним в обмен или просто грабя без зазрения совести. «Варварство и бесстыдные жестокости так называемых христианских народов—пишет один христианин—по отношению ко всяким иноверцам и иноплеменникам, которых им удалось поработить себе, превосходят все ужасы, когда-либо совершавшиеся лютым народом, не исключая самых диких и невежественных,

самых безжалостных и бесстыдных». История голландского колониального хозяйства «развертывает ужасающую картину предательства, подкупов, убийств и подлостей».

Открытие золотых и в особенности серебряных россыпей в Америке увеличило количество добываемого золота и серебра в неслыханных размерах. А это в свою очередь скоро повлекло за собой увеличение количества монет, которые служили орудием обращения на товарном рынке. Чтобы разрабатывать новые рудники, благочестивые европейцы начали вывозить из Африки сотнями тысяч несчастных негров в Америку, где их, во имя прибыли, подвергали самым жестоким мученьям.

Все это привело к настоящей революции, перевороту, в области торговли и промышленности. И главным носителем этой революции, революционным элементом нового общества была буржуазия ¹⁾.

Мы уже видели, как в самом средневековом обществе начало развиваться новое торговое сословие, которое непрерывно обогащалось и накапливало капиталы. Другие классы, наоборот, с развитием денежного хозяйства, беднели. Купец не довольствовался уже тем, что ремесленный мастер находится от него в полной зависимости и, получая от него в кредит сырье, вынужден был отдавать ему для продажи все свои изделия.

Он сам берется теперь за производство, он соединяет под своей командой многих ремесленников в одном месте, устраивает в особом здании большую мастерскую. Такая мастерская, которая на первых порах отличается от любой мастерской старого цехового мастера только тем, что производство ведется в ней в больших размерах, что таким образом сберегается много расходов, называлась мануфактурой. Прежде, скажем, двадцать сапожников или портных работали в 20 мастерских, теперь все они работают в одной мастерской. Прежде все они работали на себя, теперь они работают на предпринимателя, на капиталиста.

Но очень скоро выявилось другое, еще более важное различие. И до мануфактуры существовало разделение труда, но оно было скорее разделением различных отраслей про-

---

¹⁾ Элементом называется такое вещество, которое нельзя разложить на более простые вещества. Таковы: водород, кислород и т. д. Из соединения различных элементов образуются все тела.

изводства внутри самого общества, общественным разделением труда. Один разряд населения занимался сельским хозяйством, другой—обрабатывающей промышленностью. Так произошло—отделение города от деревни. В пределах города один разряд населения занимался торговлей, другой—ремеслами. Но каждый ремесленник, например, столяр, должен был сам выбрать материал, сделать рисунок той или иной мебели, отделать различные части ее и потом собрать их.

Таким образом, и внутри всей промышленности существовало уже разделение труда, но больше в виде разделения труда между отдельными ремеслами, которые, как мы видели, были объединены в цехи или корпорации. Существовали цехи портных, сапожников, шорников, столяров, оружейников и т. д., и т. д., но внутри каждого из них отдельный ремесленник был полным мастером своего дела.

С развитием м а н у ф а к т у р ы дело изменилось. Как только в одной мастерской собрано было несколько десятков ремесленников, скажем, часовщиков, то уже, само собой, путем опыта, вырабатывалось разделение труда между ними. Вместо того, чтобы каждый часовщик проделывал всю работу от начала до конца, она разделяется на множество отдельных операций, приемов, частей, и каждый часовщик прикрепляется к одной из них. Так развивается разделение труда внутри мастерской или мануфактурное разделение труда и все больше вытесняет разделение труда между цехами или корпорациями.

М а н у ф а к т у р а развивалась и другим путем. Когда придворная знать и разбогатевшие купцы предъявили спрос на кареты, то начала развиваться каретная мануфактура. Предприниматель тогда собирал в одной мастерской всех тех различных ремесленников,—каретника, шорника, слесаря, токаря, стекольщика, маляра,—общим произведением, продуктом которых была карета. Слесарь, шорник, токарь, раз он отдает себя целиком каретному делу, теряет со временем свои прежние навыки, а вместе с тем и способность заниматься своим старым ремеслом в полном объеме. Из мастера, знавшего все ремесло, он превращается в штучника, в частичного рабочего.

Но каким бы путем ни развивалась м а н у ф а к т у р а, она, несмотря на иногда очень крупные размеры, оставалась в

основе своей расширенной и усложненной ремесленной мастерской. Как и ремесленная промышленность, так и мануфактурная была основана на ручном труде.

И так дело продолжалось до второй половины XVIII столетия, когда мануфактурная промышленность, непрерывно развивавшаяся с XVI столетия, сама вынуждена была уступить свое первенство крупной промышленности.

В общественном производстве произошел новый переворот, новая революция, которая обыкновенно называется промышленной революцией или промышленным переворотом.

Она началась в Англии во второй половине XVIII столетия и постепенно захватывала остальные страны. Она вызвана была, во-первых, изобретением нового двигателя в области промышленности, паровой машины, которая позволила заменить живую силу людей и лошадей новой силой движения, механической силой, во-вторых, изобретением ряда машин—прядильных и ткацких,—которые позволили заменить искусство рук человеческих рядом механических приспособлений. Начиная с 1760 г., одно изобретение следовало за другим. Эти машины, которые стоили на первых порах очень дорого и были доступны только крупным капиталистам, произвели полный переворот в промышленности. Машины изготовляли товары дешевле и лучше, чем мануфактурные рабочие с ручными инструментами. Поэтому новая крупная промышленность, основанная на применении пара и машин, быстро вытесняла мануфактурную со всех рынков.

Мы видели уже, как открытие Америки и морского пути в Азию расширило рынок сбыта мануфактурной промышленности. Вместо старого, ограниченного пределами одного или нескольких городов, одной или двух стран, уже с XVI столетия начал создаваться всемирный, международный рынок. Но только развитие крупной промышленности завершило создание этого мирового рынка.

Изобретение машин dokonчило отделение обрабатывающей промышленности от земледельческой. Деревенское прядение и ткачество беспощадно уничтожались. Создано было новое разделение труда между отдельными странами.

До изобретения машин промышленность каждой страны обрабатывала преимущественно материалы, производившиеся ее собственной «почвой». Англия обрабатывала, главным обра-

зом, шерсть, в Германии процветала льняная промышленность, во Франции—шелковая. Благодаря применению машин и пара, разделение труда приняло такие размеры, что крупная промышленность сбросила с себя зависимость от произведений родной почвы и работает над материалами, которые она получает из разных концов мира.

К тому времени, когда организовался Союз Коммунистов, промышленная буржуазия держала уже в своих руках управление всей промышленностью и распорядилась огромными промышленными армиями, состоявшими из тысяч и десятков тысяч рабочих.

Таким образом оказывается, что буржуазия, которая всегда любит говорить о вечности существующих общественных порядков, сама является продуктом, произведением долгого исторического развития. Было время, когда этой буржуазии и в помине не было, следовательно, может наступить время, когда ее опять не будет. Эта мысль особенно пугает буржуазию и ее прихвостней, представителей буржуазной науки. Хочешь—не хочешь, а нельзя не признать, что буржуазия имеет свою историю, что она испокон века существовала. И наши ученые стараются теперь запустить доказать, что если буржуазия действительно родилась, произошла, то она никогда не умрет, не изойдет, а будет существовать так же вечно, как вечно будет существовать наш земной шар. Итак, история была, но ее уже больше нет.

Буржуазия не любит также вспоминать о той борьбе, которую она сама вела против феодалов, против дворянства, пока не стала в свою очередь господствующим классом. Она желала бы загладить всякое воспоминание и о той революционной роли, которую она играла в истории человечества. Авось рабочие, вместо того, чтобы покориться своей судьбе, последуют ее примеру и, не приходя в отчаяние от того, что они еще слабы, начнут в свою очередь спланиваться, соединяться, организовываться, пока не превратятся в крупную общественную силу.

А именно, развитие буржуазии показывает, что вместе с ростом ее общественного значения, вместе с развитием ее значения в общественном производстве росло ее политическое значение. Каждый шаг в ее общественном развитии сопровождался новым политическим завоеванием.

Было время, когда буржуазия представляла еще сословие, угнетенное феодалами, обязанное различными повинностями и податями. Феодалы смотрели с презрением на горожан и смеялись в своих былинах над неповоротливыми мещанами не менее, чем над крестьянами.

Но горожане, огородившись в своих городах, где развивались промышленность и торговля, соединялись в самоуправляющиеся общины, ассоциации, и вооружались, чтобы дать отпор своим сеньорам, господам. Название этих общин—коммуна—было так же ненавистно феодалам и епископам, как ненавистно теперь имя советской коммуны всяким белогвардейцам и европейским капиталистам.

Казнями и военной расправой подавляли «неистовство этой черни, которая под видом коммуны подготавливала почву для восстаний и бунтов против королевской власти». Так пишет старинный французский летописец. Или послушаем одного историка церкви, епископа Гибера, жившего в XII веке:

«Коммуна—говорит он—слово новое и отвратительное. И вот что оно обозначает: податные людишки платят своему сеньору не больше, чем раз в год, определенную подать; если они совершают какое-нибудь правонарушение, они подвергаются установленному законом штрафу. От сборов же денег, которые принято взимать с крепостных, они всецело освобождаются».

Тогдашние буржуа не останавливались ни перед бунтом, ни перед террором. После упорной борьбы, длившейся очень долго, они добились, что их признали, наряду с дворянством и духовенством, особым сословием со своими правами и преимуществами. В Генеральных Штатах (собрание сословий) во Франции или в Палате Общин в Англии горожане, буржуа, имели свой голос. Сама королевская власть опиралась на них, когда ей надо было укротить чересчур зарывавшихся феодалов.

В эпоху мануфактурной промышленности торговая и промышленная буржуазия поддерживала королевскую власть в борьбе с крупными феодалами, которые не хотели отказаться от своих старых преимуществ.

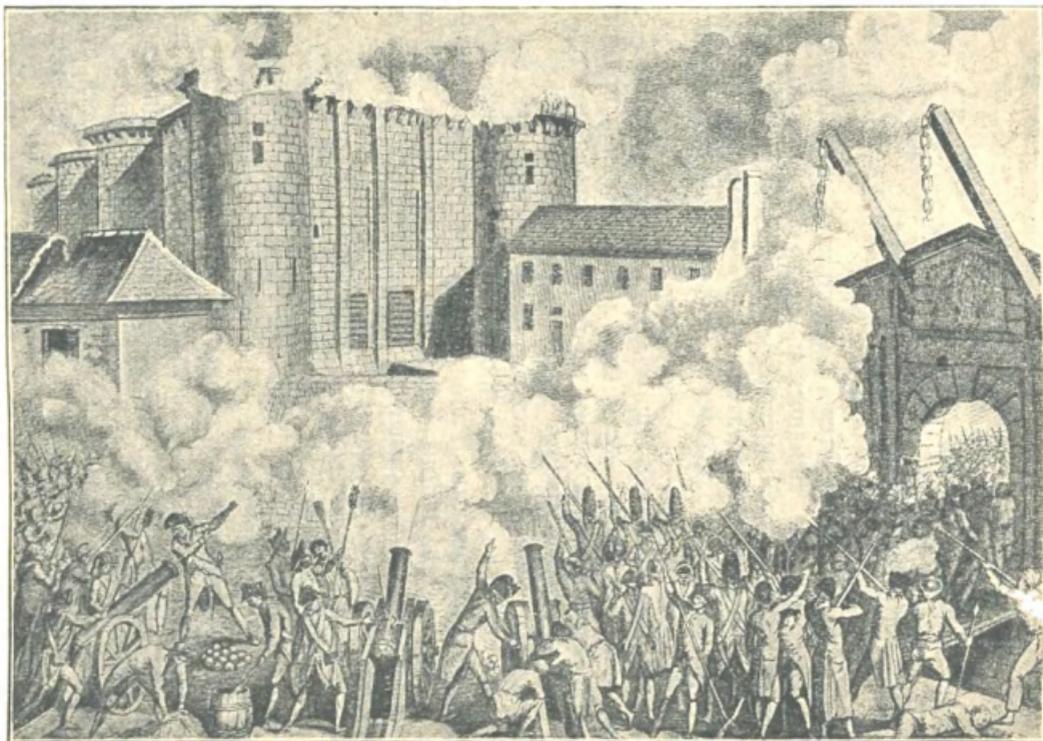
Каждый феодал устраивал вокруг своих владений особую таможенную линию, произвольно облагал всех купцов, проезжавших через его владение, а иногда и просто грабил их, издавая для своей округи особые постановления. И поскольку королевская власть боролась с этими местными привиле-

гиями, преимуществами, буржуазия, которая нуждалась в расширении рынка, в единстве мер, весов, монеты, в едином торговом и гражданском законодательстве, подсказывала этой власти все соответствующие меры, помогала ей объединить все эти мелкие владения или уделы в одну большую монархию. Именно в этом смысле, как говорится в Коммунистическом Манифесте, буржуазия послужила основой больших монархий.

Но на этом развитие буржуазии не остановилось. Она не довольствовалась тем, что росло ее политическое влияние. Настало время, когда она поставила вопрос о завоевании политической власти. Великая французская революция была началом этой борьбы за власть. К тому времени, когда появился Манифест, в двух европейских странах—в Англии и Франции—буржуазия уже достигла этой цели. От старого феодализма там остались только развалины и пережитки. Бывшие сеньоры и феодалы давно уже превратились в таких же промышленников и денежных капиталистов, как и неродовые буржуа, на которых они прежде смотрели с таким презрением. И в тех капиталистических странах, в которых крупная промышленность достигла высшего развития, в конституционных странах, имевших уже свой парламент, палату общин или депутатов, государственная власть, правительство давно уже превратилось в комитет, действующий по поручению буржуазии и заведующий ее общественными делами.

Современная буржуазия вообще напоминает старого грешника, который «смолоду много грабил» и хочет под старость душу спасти. Ей хотелось бы остановить этот быстрый ход развития, который вознес ее на вершину общественного строя. Ей хотелось бы убедить рабочих, что им лучше всего помириться с их участью, и она сама рада была бы забыть свое революционное прошлое...

Но это ей не удастся. Ее собственное господство длится не так давно, чтобы были забыты его корни и пути, которыми она достигла его. Она хотела бы, чтобы между нею и рабочими установились такие же идиллические, т.е. мирные и патриархальные, т.е. отеческие, сыновние отношения, какие когда-то существовали в средние века. Но она сама разрушила весь этот феодальный мир, она сама превратила деньги в главную связь между людьми и главную силу в обществе. Все стало продажным—поповское благосло-

Взятие Бастии 14 июля 1789 г.

вение, вдохновение художника, деятельность ученого. «Деньга попа купит, бога обманет».

Продажно все; продажен свет небес,
Дары любви, что нам даны землею,
Все на публичном рынке продается
И деньги могут все купить,
Всему своим клеймом поставив цену.

Великий испанский писатель, Сервантес, в своей повести о Дон Кихоте, рыцаре Ламанчском, показал, в какую смешную, комическую фигуру превращается средневековый рыцарь со всей его набожной мечтательностью и рыцарским воодушевлением, когда он попадает в трезвый мир буржуазного хозяйства.

«В поте лица своего будешь ты трудиться», «кесарево—кесареви, божие—богови»—всем этим религиозным и политическим побуждениям, к которым прибегали церковь и государство, чтобы скрасить работу низших классов, буржуазия противопоставила открытую эксплуатацию во имя прибыли, во имя капитала. Старые проповеди она заменила кнутом жестокой необходимости. Рабочий для нее только рабочая сила, которую она готова высосать до последней степени, эксплуатировать самым бесстыдным образом, если это только может увеличить ее прибыль.

Грубой силе старых феодалов, кулачному праву—«все возьму, сказал булат»—буржуазия противопоставила силу золота—«все куплю, сказала золото». Не один поход предприняло средневековое рыцарство—крестовые походы,— чтобы отвоевать у неверных «храм господень» в Иерусалиме. Буржуазия завоевала весь мир, совершила походы во все части света, чтобы увеличить свою прибыль, и там, где средневековые рыцари хотели водрузить крест, она добывает нефть.

Древний мир и средние века создали свои чудеса строительного искусства. Египтяне гордились своими пирамидами, римляне провели большие водопроводы, феодалы и сеньоры возвели готические соборы. Но что значат эти чудеса в сравнении с теми, которые совершила буржуазия за сто лет своего господства. Она испещрила континенты каналами, она прорыла перешейки—Суэцкий и Панамский—и соединила, таким образом, океаны, воды которых бороздят во всех напра-

влениях чудовищные пароходы, она построила железные дороги и воздвигла колоссальные вокзалы и фабричные корпуса. Она обволокла весь мир электрическим телеграфом, она извлекла из недр земли уголь, железо, нефть, она покрыла земной шар миллионными городами.

И все-таки буржуазия мечтает о тех хороших временах, когда людские общества, как муравейник или пчелиный улей, веками воспроизводились в одном и том же виде, когда старые способы производства сохранялись без всяких изменений, а вместе с ними сохранялись и старые способы эксплуатации и старое деление общества на классы.

Но это—«бессмысленное мечтание». Тем и отличается буржуазный капиталистический способ производства, что он непрерывно совершенствует орудия труда и развивает в необычайных размерах производительные силы общества. Капиталисты хотели бы успокоиться на раз достигнутом уровне, но соперничество, конкуренция заставляет их вводить каждый раз все новые усовершенствования, чтобы побить своих конкурентов. Каждое новое изобретение, новые приемы производства дают возможность понизить цены и захватить рынок.

«Капитал избегает скандала и драки и отличается боязливой натурой». Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым: обеспечьте 10%, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживленным, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает ногами все человеческие законы; при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если скандал и драки приносят прибыль, капитал будет им способствовать. Доказательство: контрабанда и торговля рабами».

Трудно найти больших патриотов, чем буржуазия. Мы уже видели, как новый купец, представитель торгового капитала, помогал превращению маленьких феодальных владений в одно большое централизованное государство, в одну нацию. Еще более работает над созданием такого единого национального государства промышленная буржуазия. Из отдельных областей, провинций со своими особенностями—что город, то норы, что деревня—то обычай!—она создает единое целое с однооб-

разными законами, она творит, во имя равенства условий конкуренции, соперничества, свое буржуазное отечество.

Только буржуазии удалось вырвать крестьянство из отупляющей обстановки деревенской жизни. Круг узких интересов, которым живет крестьянин, заставляет его дорожить своими обычаями, своими подчас только внешними особенностями.

Мужик— что бык.
Втемяшится в башку
Какая блажь,—
Колом ее оттудова
Не вышибешь.

Этот узкий особенный мирок, ограниченный до идиотизма, до чисто животного упрямства, был разрушен капитализмом.

Буржуазии удалось превратить крестьян в патриотов и при их помощи установить свое господство во Франции. Она вырвала их из-под гнета дворянства, освободила от барщины, по подчинила своей власти, своему духовному влиянию.

И в то же время буржуазия, часто против своей воли, способствует сама уничтожению национальных перегородок, которыми она заменила более мелкие областные заставы. Живя всемирным рынком, она его непрерывно расширяет. Она выравнивает, нивелирует способы производства в различных странах. Она создает из всего мира одно государство, мировое государство, космополис. Когда она еще вела борьбу против дворянств, против его ограниченности и отсталости, она выдвинула идеал космополита, гражданина всего мира. Но и отказавшись от этих розовых мечтаний своей юности, она волей неволей преобразовывает в космополитическом духе все страны земного шара. Она способствует развитию международных сношений, она создала международную почту, международный телеграф, она развивает международный обмен всеми произведениями, начиная от ситца до Пинкертона и кинодрам. Правда, все это пропитано всей пошлостью так называемой буржуазной культуры, но эта деятельность буржуазии создает такие международные каналы и пути, по которым просачиваются и другие, враждебные ей влияния. Никогда еще мир не жил такой единой жизнью, как именно в эпоху господства буржуазии.

И все же, несмотря на этот необыкновенный рост производительных сил, буржуазное общество периодически, время от времени, подвергается таким потрясениям, которых не знало ни одно предшествовавшее ей общество. Это—кризисы в области промышленности и торговли, торгово-промышленные кризисы.

В чем состоит кризис? Только что фабрики и заводы шли полным ходом, работали во всю; число рабочих непрерывно росло, торговля едва успевала сбывать произведенные товары. Вдруг—стоп. Мчавшееся с головокружительной быстротой колесо производства остановилось. Картина совсем меняется. Торговля останавливается, все рынки и магазины переполняются массой товаров, которые некуда сбыть, многие купцы и фабриканты разоряются, рабочие выбрасываются тысячами и сотнями тысяч на мостовую, число нищих растет, увеличивается число преступлений, смертность сильно повышается. Точно ураган пронесся по всей стране. Что же случилось? Голод? Мор?

Нет. Оказывается, что общество произвело чересчур много товаров, и в то время, когда магазины переполнены хлебом и другими припасами, рядом с ними умирают с голода люди, потому что им не на что купить эти товары. Проходит несколько лет, товары либо просто уничтожаются, либо сбываются по пониженным ценам, колесо производства опять начинает ускорять свое движение, и так до новой заминки. Хуже всего приходится рабочим и всякому мелкому человеку: крестьянам и ремесленникам. Приходится плохо и капиталистам, но только тем, что помельче. Крупным такие бури, нипочем. Они точно в лесу крепкие дубы. Пронеслась буря и сокрушила всякую мелюзгу, а великанам просторней стало, и тем сильнее сосут они соки из земли.

Где же лежат причины таких кризисов? Да все в том же обстоятельстве, что теперь все производится маленькой кучкой капиталистов, которые в своем производстве руководятся не потребностями всего общества, а своей прибылью. Каждый фабрикант производит на свой риск и страх. Цены поднимаются, прибыль увеличивается—он расширяет производство, цены падают, прибыль уменьшается—он сокращает производство. Это одно из следствий той самой свободной конкуренции, соперничества, состязания, между отдельными капиталистами, которая отличает буржуазное общество. Сред-

ние века знали много бедствий, но бедствия от избытка,—а кризисы являются именно таким бедствием,—они не знали. Орудия труда были тогда не очень производительны, в сутки больше 24 часов не сработаешь,—трудно было поэтому произвести что-нибудь через меру, да и работали обыкновенно на известный рынок, а то и просто на заказ, как и теперь ремесленники в мелких городах. Перепроизводство могло стать постоянной болезнью, время от времени появляющейся, как холерная эпидемия, только в буржуазном обществе с его постоянно растущими производительными силами и отсутствием всякого плана в производстве. Так само буржуазное общество порождает силы, с которыми оно не может справиться. Периодические кризисы представляют лучшее доказательство, что общество нуждается в коренном преобразовании, что оно находится накануне социальной революции. И точно так же, как феодальное общество само породило тот класс, буржуазию, который революционизировал это общество, так и буржуазия в свою очередь порождает пролетариат, который совершит революцию, переворот в буржуазном обществе.

Что такое пролетариат? Мы видели, что пролетарии встречались еще в древнем Риме, что название это взято из латинского языка. Пролетарий—это бобыль, захребетник, плодящий только потомство, детей.

Но между римскими пролетариями и современными нет никакого сходства. Римские пролетарии были гражданами, потерявшими свой земельный участок. Они не были главным производительным классом и добивались только права участвовать в той огромной добыче, которую римские патриции собирали с покоренных народов.

Пролетариатом окрестили класс современных наемных рабочих только в XIX столетии, хотя наемные рабочие существовали уже давно. Пролетариат, или класс наемных рабочих, есть тот разряд общества, который живет исключительно продажей своей рабочей силы, а не на доход с какого-либо капитала. Его благополучие и разорение, жизнь и смерть,—короче, все его существование зависит от того, есть ли спрос на его рабочую силу, т.-е. от смены застоя и оживления в делах, от бесчисленных колебаний свободной конкуренции. Его рабочая сила такой же товар, как и все другие попадаю-

щие на рынок товары, с той только разницей, что другие товары, как неодушевленные предметы, привозятся или приносятся на рынок, он же сам «добровольно» является на рынок, чтобы продаться на тот или иной срок капиталисту.

Пролетарий не раб. Последний продан раз навсегда, пролетарий продает себя на время. Раб считается вещью, пролетарий—свободный гражданин. Раб может иногда материально жить лучше пролетария, если его владелец не может быстро заменить другим и должен о нем заботиться, пролетарий очень часто и очень легко теряет работу, потому что хозяин может найти другого работника.

Пролетарий не крепостной. Он не имеет никакой собственности, тогда как крепостной имел кусок земли и средства производства. Пролетарий работает со средствами производства, принадлежащими капиталисту, и производит работу за счет этого капиталиста, получая от него только заработную плату. Но крепостной прикреплен к земле, а пролетарий—«вольная птица».

Пролетарий не ремесленник. Последний имеет орудия труда, может «честно» и «в меру» эксплуатировать пару подмастерьев и пару учеников и, если ему бабушка хорошо ворожила, может даже капиталец нажить.

Но есть и другое, более важное различие между пролетарием и всеми другими трудящимися классами. Отдельный пролетарий, как и отдельный раб, может проскочить в ряды своих эксплуататоров, как их прислужник. Но весь пролетариат не может освободиться таким путем. Рабство может быть уничтожено без того, чтобы была уничтожена собственность. Достаточно отменить собственность на людей. Точно так же крепостничество может быть уничтожено без того, чтобы отменена была частная собственность. Наоборот, крепостной потому и добивается освобождения, что хочет беспрепятственно пользоваться своей собственностью, своим участком земли.

Ремесленник, не только в одиночку, но и как целый класс, также не нуждается в отмене частной собственности вообще. Он сам собственник и нуждается только в том, чтобы его не слишком прижимали представители более крупной частной собственности. Он поэтому, как и старый цеховой ремесленник, стоит за всякие ограничения свободной конкуренции, за нажим на крупных капиталистов, но в то же

время он защитник, и самый ярый, частной собственности вообще.

В другом положении находится пролетарий.

Конечно, тот или иной может проскочить, при капитализме, в мастера, даже в фабриканты, но в массе своей, как целый класс, пролетариат не может быть уничтожен, пока существует частная собственность, а вместе с нею и товарное производство. При этом строе он может существовать, только продавая свою рабочую силу, а вынесенная на рынок, превращенная в товар, она подвергается всем колебаниям конкуренции.

Требуется, однако, много времени, пока пролетарии начинают это понимать. Они должны пройти долгую и мучительную школу, пока они приходят к сознанию, что они представляют особый класс в современном обществе.

Мы видели выше, что прошло немало столетий, пока из горожан средних веков образовался новый класс, современная буржуазия. Таким же результатом, следствием долгого исторического развития, является и пролетариат. Кроме того, оба эти класса в своем развитии связаны друг с другом самым тесным образом. В той же самой степени, в какой развивается буржуазия, развивается и пролетариат. Как тень следует за человеком, так и пролетариат следует за буржуазией. Чтобы покончить с пролетариатом, буржуазия должна уничтожить себя. Чтобы освободить себя, положить конец своему существованию, как класса, пролетариат должен уничтожить буржуазию.

Мы видели, что своим настоящим именем пролетариат был окрещен только в первой половине XIX столетия. Но как особый разряд населения, он начал складываться еще в XVI столетии, хотя и раньше были люди, жившие продажей своего труда, как обыкновенно говорят.

Капиталист мог вести свое производство только в том случае, если находил людей, которых он мог бы заставить на себя работать. Он может собрать шерсть или хлопок, прядильные машины и ткацкие станки, орудия и краски для крашения и набивки тканей, приспособления для их просушки, но если у него нет рабочих, то все это будет лежать, как мертвый капитал, или даже портиться. Рабочая сила, точно живая вода, которая приводит в движение, оживляет все эти бездушные вещи.

Но капиталистам посчастливилось. Те самые условия, которые способствовали развитию современной промышленности, начиная с XVI столетия, с того времени, когда был создан всемирный рынок, способствовали также образованию значительного количества бездомного люда, которому ничего не оставалось, как выносить свою шкуру на рынок.

После того, как помещики, в союзе с королевской властью, так жестоко расправились с крестьянами, они начали применять другие приемы. Где прямой силой, где с помощью всяких прижимок они вынуждали крестьян покидать землю и уходить в города. Многие крестьяне, в погоне за заработком, сами уходили из деревни и постепенно порывали с ней связь. Если прежде, когда помещики только с трудом могли сбывать сельскохозяйственные изделия, они охотно держали у себя целые свиты дворовых, то теперь, с вздорожанием хлеба и других средств потребления, помещики распускают свою дворню.

Так сразу путем экспроприации, лишения собственности, созданы были многочисленные бездомные и бесхозяйственные рабочие, которые наполняли собою города. Если они не находили работы, то они бродяжили. За это вынужденное безделье их наказывали самым жестоким образом.

К этим обезземеленным крестьянам присоединились разоренные ремесленники. Так образовалась значительная армия наемных рабочих, которая находилась в распоряжении капиталистов. Новые мануфактуры заполнялись тысячами рабочих. Чем больше развивалось мануфактурное разделение труда, тем однообразнее, бессодержательнее, в особенности в сравнении с ремесленным трудом, становился теперь труд мануфактурного рабочего.

Даже тогда, когда мануфактура начала вытесняться машинным производством, труд рабочего не стал более привлекательным. Мануфактурное разделение труда заменено было еще более дробным разделением труда, и рабочий часто превращался в простой придаток к машине. В то время, как от маленькой кучки рабочих требовалось еще умение выполнять ответственное дело, огромная масса рабочих была осуждена на самый скучный труд, которому мог научиться любой чернорабочий в несколько дней. Так наряду с десятками обученных рабочих мы встречаем сотню полубученных, наметавшихся на той или другой операции, рабочих и

десятки тысяч совсем необученных рабочих, чернорабочих.

А все это понижало заработную плату. Если прежде рабочий зарабатывал в среднем столько, что мог и сам прокормиться, и семью кое-как прокормить, то теперь цена его рабочей силы падала так низко, что он едва в состоянии был содержать себя самого. Поэтому, в особенности с тех пор, как начало развиваться применение машин, в значительной части облегчавших тяжесть труда, мужской труд все более дополняется, а затем в таких отраслях промышленности, как текстильная, все более вытесняется женским.

Мастерская, фабрика превращается в настоящую каторгу. Если нет уже тех мерзостей, которые отличали старое рабочее хозяйство, если нет кнута, то их заменяют штрафы. И имеем ли мы дело с английским, немецким или русским капиталистом,—как это показала Морозовская стачка,—все равно: каждый из них изощряет весь свой ум, чтобы опутать рабочих целой сетью штрафов. Так, из низкой заработной платы производятся еще сверхсметные вычеты.

Но и из этой жалкой заработной платы рабочий вынужден еще отдавать немалую часть другим хищникам. За тесную конуру, за угол, за каморку, в которой рабочий должен ютиться со своей семьей, он платит высокую цену домовладельцу. Самыми доходными домами являются дома с десятками маленьких квартир, предназначенных для городской бедноты. Эти рудники нищеты,—пишет Маркс в другом месте,—эксплуатируются специалистами домовладельцами с большей прибылью и меньшими издержками, чем знаменитые серебряные рудники в Потози (в Америке).

Так как рабочий получает заработную плату только после того, как он отработал две недели, а то и месяц, то ему, до получки, приходится жить в долг. Задаживаться ему приходится у лавочника, который пользуется этим и всучивает ему плохие товары. Если он настолько счастлив, что имеет что-нибудь для заклада, то ему приходится уделять в виде процентов еще часть своей заработной платы ростовщику.

С развитием капитализма пролетариат становится все многочисленнее. Есть страны, в которых он уже составляет огромное большинство. В других он растет с каждым днем. Он непрерывно пополняется не только путем естественного

размножения, но и переходом в него многочисленных крестьян, ремесленников, торговцев, которые разоряются под гнетом конкуренции более крупных капиталистов. Даже такие разряды, которые были в состоянии жить на доходы со своего капитала,—их называют р а н т ь е, т.е. живущие р е н т о й, доходом,—и те вынуждены искать заработка, потому что процентов, которые они получали, нехватает больше на жизнь.

В конце концов, к той армии пролетариата, которую можно назвать действующей, работающей на фабрике, присоединяется и другая армия, резервная, которая втягивается капиталистами в промышленный бой, когда новый расцвет промышленности требует дополнительных сил. После минования надобности капиталист распускает этих добавочных рабочих и они возвращаются в резервную армию. Последняя служит не только в таких экстренных, неожиданных случаях. Уже одно наличие такой массы незанятых или полужанятых рабочих является прекрасным средством, чтобы усмирить занятых рабочих и принудить их согласиться на более низкую заработную плату. В рядах этой резервной армии скопляется все больше и больше таких людей, которые уже непригодны к постоянной работе и опускаются все ниже и ниже. Этот слой рабочих называется п а у п е р а м и, нищими, и п а у п е р и з м, нищенство, в еще большей степени ослабляет сопротивляемость рабочего.

Но сам капитализм заботится о том, чтобы пролетариат не примирился со своей несчастной долей. Одних кризисов достаточно, чтобы даже лучше поставленные рабочие почувствовали, как непрочно их благосостояние при капитализме.

Возмущение, протест, сначала охватывают только одиночек. На первых порах это возмущение принимает грубые формы. Рабочий видит, как его обкрадывают со всех сторон, и сам становится воров. Стащить что-нибудь с фабрики, обокрасть хозяина—это в его глазах только законная месть. Если хозяин и его надсмотрщик заходят чересчур далеко, топчут в грязь человеческое достоинство рабочего, он не выдерживает и отвечает убийством хозяина или мастера.

За единичным возмущением, протестом, следует коллективный, совместный. Сначала это протест одной фабрики против отдельного капиталиста, который заходит слишком далеко в своей жажде прибыли. Такие возмущения отдель-

ных фабрик мы встречаем и в Западной Европе на заре рабочего движения, и у нас в России.

Возмущение может охватить ряд однородных фабрик, сосредоточенных в одной местности. Оно является на первых порах только взрывом отчаяния и сопровождается разрушением машин и фабричного имущества. В Англии мы встречаем в 1811—13 гг. даже организованное разрушение машин.

Это движение луддитов, названное так по имени сказочного генерала Лудда, который будто бы руководил им, изображено теперь в драме «Разрушители машин», написанной немецким поэтом Толлером, так сильно пострадавшим за участие в баварской советской республике.

В 1831 г. вспыхивает восстание шелко-ткачей во французском городе Лионе. Они выступили с лозунгом «жить трудясь или умереть сражаясь» и на несколько дней даже захватили город в свои руки.

В 1844 г. силезские ткачи в Пруссии, выведенные из терпения бессовестной эксплуатацией со стороны своих фабрикантов, подняли восстание, но были усмирены военной силой. Это восстание имело в истории немецкого рабочего движения не меньшее значение, чем 9 января в истории русского. Настроение, которое было вызвано им среди немецких рабочих, прекрасно выражено знаменитым немецким поэтом Генрихом Гейне, близким другом Маркса:

Проклятие богу, пред кем мы с мольбою
Склонялися в холод и голод зимою!
Напрасно мы жили, надежды полны.
Он нас обманул, одурачены мы.
Проклятье ему, королю всех счастливых!
Не жаль ему нас, бедняков терпеливых,
Последний он грош отнимает у нас,
«Стрелять по собакам»—он отдал приказ.

Другой немецкий поэт, Гауптман, изобразил эти события в одной из лучших драм своих, в «Ткачах».

У нас в России фабричные волнения начались уже сорок лет назад. Они сопровождались погромами, а иногда и разрушением машин—в 1885 г. (Морозовская стачка) и еще далее в 1892—1893 гг. (стачка на Ярославской мануфактуре, Егорьевская и в особенности Юзовская).

Но, чем больше развивается пролетариат, тем скорее он сознает, что такие бунты, направленные против машин, против

Шествие силезских ткачей в 1844 г.

средств производства, совершенно нецелесообразны. Он соединяется, сплавивается, организуется сначала во временные соглашения, коалиции, заключенные только для определенного действия, а затем в постоянные ассоциации или союзы, которые ставят себе целью повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и улучшение общих условий труда. Раньше всех такие союзы начали организовывать английские рабочие, у которых они назывались трэд-юнионы или, как мы их теперь называем, профессиональные союзы (сокращенно профсоюзы).

Пионерами, предтечами рабочего движения были английские рабочие. В Англии раньше всего развилась крупная промышленность, раньше всего образовался современный пролетариат. Поэтому, когда Коммунистический Манифест описывает различные пути, которыми шло развитие рабочего движения, то он опирается на опыт английских рабочих.

В сороковых годах XIX столетия профсоюзы существовали только в Англии. Они вели упорную борьбу за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня. Стачки иногда охватывали целые отрасли промышленности. Были уже попытки устроить всеобщую стачку.

Хотя эти стачки часто кончались поражениями, но они имели большое значение. Во-первых, сопротивление рабочих все же ограничивало произвол хозяев. Во-вторых, они имели большое воспитательное значение, на которое указал уже Энгельс. «Они являются высшей школой для рабочих, в которой последние подготавливаются к великой борьбе, ставшей уже неизбежной; они представляют собой возмущения, восстания отдельных отраслей труда, в которых последние заявляют о своем присоединении к великому рабочему движению. И, как такая военная школа, стачки незаменимы».

Стачки и профсоюзы имели огромное значение в деле классовой организации пролетариата.

Мы уже видели прежде, как буржуазия постепенно превращалась в особый класс. Вот как Маркс сравнивает ее историю с историей пролетариата:

«В истории буржуазии мы должны различать два фазиса (ступени), в первом—она складывается в класс под господством феодального порядка и самодержавной монархии; во втором,—уже образовавши из себя класс,—она низвергла феодализм и монархию, чтобы из старого общества сделать

общество буржуазное. Первый из этих фазисов был длиннее второго и потребовал наибольших усилий. Он также начался с частных коалиций против феодальных сеньоров».

Маркс имеет в виду те городские общины, коммуна, которые были организованы предшественниками современной буржуазии. Точно так же стачки, коалиции, профессиональные союзы представляют формы, под которыми пролетариат совершает на наших глазах свою классовую организацию.

Крупная промышленность скопила в одном месте массу неизвестных друг другу людей—рабочих. У них на первый взгляд разные интересы. Они конкурируют друг с другом, перебивают друг у друга работу, сбивают заработную плату. Но очень скоро они соображают, что таким путем вредят себе. Если двое рабочих гонятся за одним капиталистом, заработная плата понижается, и наоборот. Если двое предпринимателей гонятся за одним рабочим, то заработная плата повышается. Так говорят английские рабочие. Нужно было, следовательно, уничтожить конкуренцию, состязание между рабочими, чтобы лучше вместе бороться против капиталиста. Этой цели добиваются коалиции и профсоюзы.

Много лет потребовалось, чтобы рабочие стали одним из самых крупных разрядов людей в буржуазном обществе. Господство капитала, буржуазии создало для этого разряда одинаковое положение в общественном производстве и одинаковые интересы. По отношению к буржуазии этот разряд людей, эта масса рабочих стала уже классом. Буржуазные ученые, изучавшие законы, управляющие общественным хозяйством, давно уже установили этот факт. Другие буржуазные писатели даже окрестили этих «трудящихся бедняков», как их до того звали, новым именем, которое они взяли из истории Рима. Но рабочий класс все еще не был классом для себя. Он еще не сознавал, что он особый класс, с особенными интересами, с особенными задачами. Только в той борьбе, ступенями которой являлись стачки, коалиции, профсоюзы, он выработался в класс для себя, он понял, что защищаемые им интересы являются классовыми интересами, он осознал эти классовые интересы, как интересы, противоположные интересам капиталистов. Он понял, что борьба, которую он ведет с капиталистами, есть борьба классовая, а борьба классов есть борьба политическая, борьба за участие в госу-

дарственной власти, а затем и борьба за обладание всей государственной властью.

Так в Англии образовалась первая политическая партия рабочего класса, партия чартистов, получившая свое имя от своей программы, хартии (по-английски—чартер), в которой были изложены главные политические требования английских рабочих: всеобщее избирательное право, ежегодно переизбираемый парламент, плата депутатам, тайное голосование и т. д.

Чартисты вели упорную борьбу в течение нескольких лет. Так как господствующие классы делились на две партии—ториев, среди которых преобладали землевладельцы, сельскохозяйственные капиталисты, и вигов, среди которых преобладали денежные и промышленные капиталисты, то чартисты старались использовать их взаимные несогласия. Когда два врага вцепятся друг другу в волосы,—говорит английская пословица,—то честный человек выигрывает. Так чартисты разоблачали одинаково и ториев, которые готовы были сдирать с населения ростовщические цены за хлеб, и вигов, которые соглашались на умеренные пошлины. Но они не менее беспощадной критике подвергали и таких радикальных, крайних представителей промышленной буржуазии, как фабриканты Кобден и Брайт, которые руководили «Лигой (союзом) против хлебных законов» и доказывали рабочим, что вся беда происходит от слишком высоких пошлин на хлеб. Именно эту борьбу различных слоев буржуазии использовали чартисты, чтобы добиться ограничения рабочего времени десятью часами для всей текстильной промышленности. В этом и заключалось значение десятичасового билля, т. е. закона о десятичасовом рабочем дне, который принят был английским парламентом 8 июня 1847 г.

В своей борьбе за интересы рабочего класса чартисты старались усвоить себе все навыки и приемы, которые выработали за долгий период своего политического господства различные слои буржуазии. Агитация посредством собраний, демонстраций, митингов, распространение всяких воззваний, прокламаций, листовок,—все это практиковалось уже различными буржуазными партиями друг против друга.

Если вначале пролетариат состоял, главным образом, из огромной массы необученных, малограмотных людей, весьма мало искушенных в тонкостях политической борьбы, то развитие крупной промышленности, разоряя многочисленные слои

средних классов, низвергало их в ряды пролетариата. Эти новые рекруты приносили с собою опыт политической борьбы, образование и грамотность, являясь, таким образом, воспитательным элементом, учителями в среде пролетариата.

Когда буржуазия окончательно сложилась в класс и поставила ребром вопрос о завоевании политической власти, тогда среди части организованного дворянства, в особенности среди тех, которые посвятили себя изучению наук, начало расти убеждение, что старый порядок потерял всякий смысл существования, что он отжил свое время. Эти дворяне-идеологи, т.-е. люди, которые вырабатывали мировоззрение своего класса, его идеологию, и ставили выше своих материальных интересов интересы идеи, осуществление своих общественных идеалов, перешли тогда на сторону буржуазии и вместе с ней боролись против старого порядка. Подобное этому явление мы встречаем и теперь. Часть, правда, очень незначительная, буржуазии, именно буржуа-идеологи или, как теперь говорят, интеллигенция, которая по своему образованию могла бы хорошо устроиться на службе у буржуазии, переходит на сторону пролетариата, потому что пришла к убеждению, что именно пролетариат может положить конец всякому угнетению и классовому господству.

Конечно, не только пролетариат страдает при господстве буржуазии. Наряду с ним имеются и другие классы, которые тоже испытывают на себе весь гнет капиталистических отношений. Как мы видели, связанные неразрывно с капитализмом торгово-промышленные кризисы производят особенно свирепое опустошение как раз среди средних слоев буржуазии, среди ремесленников, лавочников, крестьян. Но все эти классы все-таки самым цепким манером держатся за частную собственность. Они хотели бы почистить, исправить, починить это буржуазное общество, лишь бы не тронуть самых его основ. И они подчас являются не менее жестокими противниками пролетариата, чем крупные буржуа. Поэтому они не революционны и революции, переворота, боятся, как огня. Наоборот, не разрушить, а консервировать, сохранить существующий строй хотят они. Но некоторые из них, в особенности мастера, ремесленники, зажиточные мужички, более, чем консервативны. Они хотели бы возвращения к старому, обращения вспять, назад. Они поэтому являются реакционерами, приверженцами реакции.

Но и в среде самого пролетариата имеется слой, который мешают его борьбе не меньше, чем только что указанные слои населения. Это—люмпен-пролетариат, оборванцы, золоторотцы, коты, как их звали в Орехово-Зуевском районе. Это уже совершенно опустившиеся люди, как обитатели Хитрова рынка или босая команда в наших южных городах. Даже самый низший слой резервной армии рабочих, который стоит одной ногой на краю нищенства, все еще тянется к работе, к участию в общественном производстве. Люмпен-пролетариат окончательно оторвался от всякого дела, не брезгают ни воровством, ни разбоем и всегда поэтому готовы увеличить собою ряды черносотенцев, самых злостных реакционеров, фашистов. В них буржуазия находила, как и в отсталых крестьянах, необходимых ей рекрутов для своей армии, которые отправлялись в поход против восставших пролетариев. Они являются тяжелым бременем для каждого революционного движения рабочего класса—и до революции, и во время ее.

А между тем задачи, предстоящие пролетариату, особенно тяжелы. Как ни была радикальна буржуазная революция, она все же не тронула основы основ—частной собственности на средства производства. Наоборот, пролетарская революция в первую очередь направляется против частной собственности капиталистов. Она ведь существует только благодаря эксплуатации рабочего класса. Капитал, который сам собою приносит бы доход, не существует. И если пролетариат хочет уничтожить эту эксплуатацию, он должен уничтожить и капиталистический способ присвоения имущества. Другое дело, если он хочет ввести ее в разумные пределы, как ему советуют всякие соглашатели, убежденные, что капитализм будет существовать вечно. Пока промышленность идет полным ходом, пока находятся колонии, которые позволяют себя эксплуатировать, капиталист бросает рабочим маленькие подачки, даже соглашается на уменьшение рабочего дня. Но как только опять началась заминка, разразился кризис, он начинает скулить о своих убытках и открывает поход против рабочих, стараясь отнять у них все их завоевания. И сколько бы пролетариат ни колебался, сколько бы раз он ни останавливался в нерешительности перед огромностью предстоящей ему задачи, он в конце концов вынуждается совершить свою революцию.

Даже буржуазия, начиная свою революцию против дворянства, вынуждена была считаться с тем, что дворянство соседних стран придет на помощь ее врагам. Французской буржуазии пришлось действительно выдержать натиск со стороны Австрии, Пруссии, России, а после и Англии. В этой войне она взывала к чувству братства и солидарности всех угнетенных народов, она провозгласила лозунг (призыв): «война дворцам, мир хижинам»,—она обещала крестьянам соседних стран освобождение от ига крепостного права, от оков феодализма.

Революция пролетариата в первую голову направляется против собственности буржуазии в пределах своего национального государства. Но она только на первый взгляд кажется национальной борьбой. Даже тогда, когда она совершается в рамках одного государства, пролетариат провозглашает ее с самого начала международной, интернациональной. Она не может ее откладывать до тех пор, пока ее начнут пролетарии других стран. Раз условия сложились так благоприятно, что он может нанести сокрушительный удар своей буржуазии, он должен воспользоваться этим случаем. Пролетариат каждой страны должен прежде всего покончить со своей собственной буржуазией.

Бывают условия, при которых общество, основанное на угнетении одного класса другим, может существовать сотни и тысячи лет. В таких обществах царит застой. Огромная масса землевладельцев сама удовлетворяет свои несложные потребности в пище и одежде. Часть своих изделий она отдает чиновникам, которых посылает государь, живущий где-то далеко в столице, как бог на небе. Бывают годы плохие, годы хорошие, но если государь и его слуги соблюдают меру, то мужички—китайские, японские или ост-индские,—от них не отставали и российские,—сидят спокойно, благословляют небо и живут из поколения в поколение, как рабочие муравьи в муравейнике, тоже содержащие свою знать и войска.

Буржуазные ученые часто мечтали о том, как бы так хорошо устроить буржуазное общество, чтобы оно тоже достигло такого «неподвижного состояния». Капиталисты руководили бы производством и получали бы прибыль, землевладельцы клали бы в карман ренты с земли, банкиры получали бы проценты, а рабочие—заработную плату, которой хватало бы на их прокормление и на поддержание жизни. Все тогда было

бы спокойно и чинно, рабочие не спрашивали бы, «кто чем живет», и знали бы только, что они должны:

Предоставить почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям.

Но не так склалось, как ждалось. Вечная погоня за прибылью заставляет капиталистов понижать заработную плату. Чем выше прибыль, тем ниже заработная плата, и наоборот. Отдельные слои рабочего класса иногда добиваются лучших условий, но всегда за счет менее удачливых товарищей. Растет безработица, нищета, смертность, болезни. Рабочий класс начинает волноваться, негодовать, бунтовать. Собранный крупной промышленностью в огромные массы, он сознает свою силу. Буржуазия, которая не в состоянии даже ставить рабочих в такие условия, при которых они жили бы хотя только безбедно, мечется во все стороны, как бес перед заутреней, и то обрушивается на рабочих мечами и скорпионами, то протягивает наиболее послушным из них «пряник». Но это не помогает. Все грознее и грознее вырастает перед нею рабочий класс, все сплоченнее становятся его ряды, все яснее и полнее развивается его классовое сознание. Приближается час, когда капиталист, эксплуатировавший рабочих и отнимавший, экспроприровавший собственность мелких производителей, должен быть в свою очередь экспроприрован, лишен своей собственности.

Эта экспроприация так же неизбежна, как и экспроприация мелких производителей, как и экспроприация крупными капиталистами мелких.

Один капиталист побивает многих. Рука об руку с этим сосредоточением капиталов в руках немногих крупных капиталистов развивается общественная или кооперативная форма труда, все больше и больше развивается применение науки в производстве, планомерная обработка земли, создаются огромные машины и двигатели, которые допускают лишь совместное пользование ими. Все народы вовлекаются в сеть мирового рынка, развивается интернациональный, международный характер капиталистического строя. Наряду с этим ростом богатства маленькой кучки промышленных генералов, которые захватывают для себя все выгоды этого развития производительных сил, растет масса нищеты, гнета, по-

рабочения, вырождения, эксплуатации рабочего класса. Но вместе с тем растет и его возмущение. Ряды рабочего класса увеличиваются, он воспитывается, объединяется и организуется всем строем, всем механизмом капиталистического способа производства.

Исключительное господство капитала, его монополия становится оковами того способа производства, который благодаря именно этому господству, этой монополии достиг расцвета. Сосредоточение, централизация средств производства и обобществление труда достигают такого высокого уровня, что становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Последняя лопается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприруют.

Освобождение рабочего класса необходимо подразумевает создание нового общества. Возможность этого освобождения является лишь на той ступени развития, когда вновь развившиеся производительные силы и существующие общественные учреждения не могут более ужиться рядом. Из всех орудий производства наибольшую производительную силу представляет сам революционный класс. Этим классом является теперь пролетариат, его победа и поражение буржуазии одинаково неизбежны.

Буржуазия сама роет себе могилу и сама производит своих могильщиков. Остается только поскорее столкнуть ее в эту могилу. Это дело социальной революции, это дело пролетариата, организованного в коммунистическую партию.

Следующая глава показывает, каковы цели и задачи коммунистов.

К ГЛАВЕ ВТОРОЙ

Рабочее движение начало развиваться еще до появления коммунистов. Более того. Раньше, чем организовались первые группы коммунистов, уже существовали крупные рабочие организации. Когда был основан Союз Коммунистов, в Англии уже существовала большая рабочая партия, чартисты.

Понятно, что новый Союз Коммунистов должен был объяснить, в каком отношении стоят коммунисты к пролетариату вообще и рабочим партиям в особенности. Надо только помнить, что речь идет о положении дел, каким оно было до

революции 1848 г. Чтобы лучше разобраться в нем, следует представить себе, что Союз Коммунистов хотел тогда играть такую же роль, как в наше время Коминтерн или Коммунистический Интернационал.

У него тоже нет никаких интересов, которые не совпадали бы с интересами всего пролетариата. Наоборот, он ставит себе задачей отстаивать общие, одинаковые для всех народов, наций, интересы всего пролетариата. Внимательно следя за рабочим движением в различных странах и борьбой рабочего класса против буржуазии, стараясь верно оценить все эти отдельные и частные выступления, он выдвигает на первый план общие интересы рабочего движения в его целом.

В старое время угнетенному народу являлись пророки-спасители, которые возвещали ему новые заповеди, новые идеи (понятия) и принципы (основные начала), только что открытые ими. Они уверяли, что если люди усвоят себе эти новые идеи, то человечество будет избавлено от борьбы, мук и страданий. Такие чудотворцы, герои являются и в среде рабочего класса. У них своя система, свой план, всегда самый надежный, самый верный. Достаточно его принять—и рабочий класс будет избавлен от долгой борьбы, от такой долгой и скучной работы, как классовая организация пролетариата.

Преимущество коммунистов состоит только в том, что они понимают, в силу каких условий возникает и развивается рабочее движение и к чему оно должно привести, хотят ли этого его участники, или нет. Коммунизм в сущности есть только учение об условиях освобождения пролетариата. Цели коммунистов определяются этими условиями. Необходимо организовать пролетариат, как особый класс,—классовая организация пролетариата,—необходимо свергнуть господство буржуазии и завоевать политическую власть. Всему этому учит история борьбы классов, история самой буржуазии. Нужно только не закрывать глаз на действительность, нужно только внимательно наблюдать борьбу классов, совершающуюся перед нами.

Буржуазия организовалась в класс, организуется в класс и пролетариат; буржуазия свергла дворянство, уничтожила феодализм и поставила на его место капитализм, пролетариат хочет свергнуть буржуазию, уничтожить капитализм и поставить на его место коммунизм. Отличие заключается только в главной цели. В чем же заключается она?

Коммунистов обвиняют в том, что они хотят уничтожить собственность. Хотя коммунистов такое обвинение ничуть не пугает, они все же могут ответить, что не в этом дело. Дворянство тоже обвиняло буржуазию, что она хочет уничтожить священную собственность.

«Неправда,—отвечали с негодованием буржуа,—мы хотели уничтожить только феодальную собственность, право помещика пользоваться даровым трудом крестьян, право его облагать их податью. Каждый имеет право на то, что он сам произвел». И действительно, великая французская революция уничтожила только феодальную собственность. Наоборот, лишь после нее пышным цветом расцвела буржуазная собственность, свобода купли и продажи.

Так и коммунисты хотят уничтожить не всякую собственность, а только частную собственность, такую собственность, которая дает возможность ее владельцу эксплуатировать других людей и наживаться за их счет.

Достаточно внимательно посмотреть на то, что делается в буржуазном обществе, чтобы сейчас же заметить, как все развитие капитализма ведет к ежечасному уничтожению всякой благоприобретенной собственности, если она принадлежит мелкому человеку. Крупный буржуа разоряет мелких, крупный торговец выбивает из строя мелких, крестьяне, ремесленники разоряются и увеличивают собою ряды пролетариата.

Крестьянин, обрабатывающий свой клочок земли собственными руками, поливающий ее своим потом, и помещик, владеющий тысячами десятин, обрабатывающий свою землю руками наемных рабочих, часто годами не бывающий в своем имении,—оба они на буржуазном языке называются собственниками! Ткач, вырабатывающий на своем станке узорные материи, и крупный текстильщик, у которого на фабрике грохочут тысячи станков и работают тысячи рабочих,—оба они на буржуазном языке называются собственниками!

Но есть очень и очень большая разница между этими собственниками и между их собственностями. Первый из них, конечно, пока он не обзавелся батраками или подмастерьями, сам работает, эксплуатирует только себя, работает на себя. Второй—пользуется только чужим трудом, он сам может даже пальцем о палец не ударить и заменить себя наемным директором, и все же касса его будет наполняться прибылью. Первая собственность—это собственность лич-

ная, индивидуальная, вторая—это собственность частная, капиталистическая.

Пролетарий тоже имеет собственность. Свои руки, свои ноги, мозг, нервы,—одним словом, свою рабочую силу. Он продает ее, но так уж устроена хитрая механика капитализма, что он своим трудом создает всегда собственность для другого. Хорошо, если после рабочего дня его собственность, его рабочая сила остается в том же виде. А бывало и бывает иначе. Если рабовладельцы умудрялись в три года высосать все силы из негра, то английские капиталисты в первой половине XIX столетия умудрялись и свободного англичанина превратить в инвалида в течение девяти лет. В среднем, рабочий может быть доволен, если его заработной платы хватает для поддержания его существования.

Коммунисты против личной собственности рабочих, крестьян, ремесленников не выступают, так как это такая собственность, которая не оставляет никакого чистого дохода, дающего власть над чужим трудом. Они хотят уничтожить только капиталистическую собственность, только такую частную собственность, которая позволяет жить и наживаться чужим трудом.

Следующие цифры покажут нам, как распределяется собственность в капиталистической стране. Мы берем Англию, где уже давно существует подоходный налог и можно поэтому определить, кто и сколько получает дохода. Данные относятся к 1913 году, т.-е. к довоенному времени.

В Англии население тогда составляло 40.000.000. Из них только 20.100.000 имели самостоятельный доход, который они должны показать, чтоб можно было установить, подлежат ли они обложению, или нет. Доходы, которые меньше 100 фунтов стерлингов или 1.000 довоенных рублей (фунт стерлингов равен 10 довоенным рублям), не подлежали тогда обложению. Что же оказывается?

Весь доход населения составлял 2.150.000.000 ф. стерл. Из них на долю 1.100.000, имевших свыше 100 ф. ст. дохода, приходилось 1.025.000.000, на долю 15.000.000 рабочих—только 775.000.000, а на долю 4.000.000 лиц разных занятий (приказчиков, лавочников, учителей, мелких арендаторов, чиновников и т. д.) приходилось 350.000.000. Таким образом рабочие, вместе со своими семьями составлявшие $\frac{2}{3}$ населения, получали всего $\frac{1}{3}$ народного дохода. Плательщики подо-

ходного налога, составлявшие с семьями около 5.000.000 душ, получали почти половину всего народного дохода. Но и среди этих львиная доля выпадает на маленькую кучку. Считают, что 120.000 человек, которые с семьями составляют не более $\frac{1}{17}$ всего населения, владеют $\frac{2}{3}$ всего национального дохода Англии. Если взять данные о распределении поземельной собственности, то оказывается, что 2.500 человек владеют половиною всей земли в Англии.

А буржуазия и ее прихвостни еще уверяют, что если коммунисты хотят уничтожить буржуазную собственность, то это означает уничтожение собственности всего народа. Все это после того, как они таким бесстыдным образом ограбили и лишили собственности миллионы крестьян и ремесленников.

Вот почему буржуазия, которая считает в порядке вещей, что античная собственность, т.-е. собственность в древнем мире, которая была основана на рабстве, или феодальная собственность, которая была основана на крепостном труде, могли быть уничтожены,—возмущается и негодует, когда речь заходит об уничтожении буржуазной собственности, основанной на эксплуатации наемного труда.

А ведь античные и феодальные собственники тоже доказывали, что их собственность испокон века существует, и что нет большего преступления и большего святотатства, как коснуться их собственности. И все-таки это осмелились сделать, и все-таки буржуазия наложила свою руку на феодальную собственность.

Точно так же, как во времена оны рабовладельцы и крепостники доказывали, что без рабства и крепостничества люди начнут лениться, так и буржуазия теперь доказывает, что уничтожение буржуазной собственности повлечет за собой всеобщее безделье.

Мы видели только что, как распределена эта буржуазная собственность в Англии. Несмотря на то, что огромная масса населения имеет лишь столько, чтобы жить изо дня в день, люди все же работают. Скажут, что они работают, потому что вынуждены работать. Но почему они вынуждены? Да потому, что у них нет такой собственности, которая позволила бы им жить чужим трудом. Следовательно, отсутствие собственности не означает еще отсутствия охоты работать.

И тут буржуазия повторяет старые песни рабовладельцев

и крепостников, над которыми она так едко смеялась, когда доказывала им, что именно феодалная собственность превращает их в тунеядцев.

Правда, при уничтожении рабства и крепостничества рабы и крепостные на первых порах уменьшали интенсивность или напряженность своего труда, но через несколько лет эта временная недовыработка исчезала, если только налицо имелись сырье и орудия труда. Здоровый человек нуждается в труде не меньше, чем в воздухе.

Мы не будем останавливаться подробно на других обвинениях, выдвигаемых буржуазией против коммунистов. Всякий рабочий прекрасно знает, как буржуа чтит «святость» семьи. Кроме «законной» жены—содержанка и случайные дебоши, готовность продать свою дочь, как простой товар, если ее только можно хорошо пристроить—вот «основы» той семьи, которую защищают буржуа. Они спокойно смотрят на проституцию, ряды которой заполняются женской беднотой, ибо прекрасно понимают, что их дочери не могли бы оставаться «чистыми созданиями», если бы их милые сынки не находили выход своим «пылким» страстям в домах терпимости.

Семейная жизнь рабочих страдает уже в силу тех ужасных жилищных условий, в которых им приходится жить. Но даже при более сносных условиях домашний уют может быть создан только в том случае, если жена рабочего превращается в домашнюю хозяйку и отказывается от всякой общественной жизни. Вот почему без коренного изменения всех общественных условий, и в первую очередь без уничтожения буржуазной собственности, невозможно и преобразование существующей семьи.

Еще более смешно и еще более лицемерно обвинение коммунистов в том, что они хотят ввести общность жен. Буржуазия и ее лакеи особенно любят выезжать на этом коныке. Когда советская власть отменила все законы, ограничивающие женщину в ее правах, то вся белогвардейщина, так охотно смакующая всякую клубничку, завопила на весь мир, что русские коммунисты «декретировали» общность жен. Нашлись легковверные дурачки и среди социалистов, которые поверили этой сплетне. Английские коммунисты даже издали специальную брошюру, чтобы опровергнуть эту ложь, которую особенно усердно распространяли в Англии и Америке.

Буржуазия хочет взять под свою защиту также детей, ко-

торых коммунисты хотят якобы лишить всех благ домашнего воспитания, взять окончательно под опеку всего общества.

Но защитники буржуазии забывают, что для огромного большинства населения дети являются только обузой, что пролетарские дети уже с ранних лет отдаются в работу. И поскольку речь идет об организации общественного воспитания, то пролетариат поставит на место буржуазного общественного воспитания пролетарское общественное воспитание. Буржуазия всегда делала из школы всех ступеней орудие своего классового господства. Она только старалась, чтобы общественное воспитание, которое получали ее дети, находило свое дополнение и подкрепление в домашнем воспитании. Коммунисты отличаются только тем, что с самого начала отдают предпочтение общественному воспитанию. Женщина никогда не сможет стать деятельной участницей общественной жизни, если будет прикована к своему домашнему очагу, если будет отдаваться целиком своим детям. Да это и невыгодно и нецелесообразно. Ясли, детские сады, детские колонии дают возможность распространить блага разумного воспитания на всех детей и подготовить их к настоящей школе.

Но коммунисты идут еще дальше. Они поднимают свою руку не только на семью, не только на детей, они заносят ее в своей безумной дерзости на отечество.

И действительно, уже французские коммунисты заявили еще до Коммунистического Манифеста, что рабочие не имеют отечества. Когда силезским ткачам толковали, что они должны терпеть во имя бога, короля и родины, они проклинали не только бога и короля, но и родину, где они были осуждены на жалкое позорное существование.

Проклятье тебе, о наш край лицемерный,
Где царствует стыд и позор беспримерный.

Для помещиков и буржуазии это была родина, для рабочих это была мачеха. Чтобы стать для рабочего родиной, страна должна быть преобразована, и пока рабочий класс добивается этой цели, он, как прежде буржуазия, остается еще нации чуждым, ибо он хочет сначала овладеть своим государством—немецкий рабочий «своей» Германией, английский рабочий «своей» Англией. Но, в отличие от буржуазии, он это делает не для того, чтобы направить свое оружие

против соседей. Наоборот, он ищет союза с пролетариатом других наций, ибо чем теснее его союз с ними, тем прочнее дело его окончательного освобождения.

Там, где любовь к отечеству заглушает голос классового самосознания, пролетариат становится жалкой игрушкой в руках буржуазии. Во имя любви к отечеству буржуазия потащила миллионы пролетариев на империалистическую бойню, во имя любви к отечеству перебиты были миллионы рабочих, и во имя той же любви к своему отечеству уже после войны одна буржуазная страна душит при помощи пролетариев не только буржуазию, которая, впрочем, и здесь умеет спасти свой кошелек, но и пролетариев другой буржуазной страны. Вот почему коммунисты ведут самую беспощадную борьбу против национальных предрассудков, еще более беспощадную, чем против религиозных предрассудков. Пока одна нация эксплуатирует другую, будет продолжаться эксплуатация человека человеком и внутри одной нации. За счет эксплуатируемой нации всегда происходит молчаливое сближение буржуазии с частью своего рабочего класса, получающей прибавку к своей мизерной заработной плате. Наоборот, если удастся покончить с буржуазной эксплуатацией внутри страны, быстро налаживаются мирные отношения с соседними странами.

Но против коммунистов выдвигают и другие возражения. До сих пор их старались оклеветать, ославить в глазах трудящихся масс и средних слоев. И собственности не признают, мужичка, ремесленника, даже рабочего хотят ограбить, отнять у них все имущество и все сбережения, семью хотят уничтожить, детей забрать у родителей, даже родину отрицают!

Буржуазия старается, таким образом, разжечь против коммунистов все материальные интересы людей; она доказывает, что коммунисты нарушают все хозяйственные выгоды людей. Держи карман, караул, грабят! Особенно занятно выходит, когда против того грабежа, который якобы затевают коммунисты, вопят такие матерые грабители, как крупные фабриканты и банкиры. Так, например, знаменитый американский фабрикант автомобилей, Форд, самый богатый человек в мире, состояние которого определяется в 2 миллиарда долларов или 4 миллиарда довоенных рублей, тратит огромные деньги на агитацию против коммунистов, которые хотят ограбить его рабочих!

Поэтому более образованные защитники буржуазии стараются подействовать не только на «кошелек», но и на душу, ум мелкого люда. Они выдвигают против коммунистов возражения более тонкого свойства, не только материальные, хозяйственные, карманные, но и идейные, духовные, заимствованные из области идеологической. Оказывается, что идеи коммунистов представляют собой отступление от всего принятого, нарушение всех заповедей религии, нравственности, науки. Так ли это?

Каждый класс в обществе имеет свое собственное мировоззрение, свои взгляды на мир, свои мысли об отношениях между людьми, правила поведения,—короче, свою собственную идеологию. Те представители данного класса, которые специально занимаются разработкой этой идеологии, назывались прежде идеологами. Мы теперь называем их интеллигенцией. Своих идеологов имело и имеет дворянство, имела и имеет буржуазия.

Было время, когда люди находили готовые ответы на все вопросы в богословии, в теологии. Они верили в богов или в бога и, как религия указывала, так они и поступали. И теперь еще огромные массы людей проникнуты таким религиозным мировоззрением, такой религиозной идеологией. На них лучше всего действуют аргументы, доказательства из области религиозной. Достаточно доказать им, что коммунисты против бога, что коммунизм противоречит религии,—и дело буржуазии выиграно.

Но тут на помощь приходит опять-таки опыт буржуазии. Когда ей пришлось бороться против феодализма, она тоже наталкивалась на те духовные заграждения, которые выдвигали дворянство и духовенство против ее требований. Она тогда смело выступила против религии, против христианства, подвергала их жестокому осмеянию, разоблачала проделки попов.

Правда, уже и тогда в ее среде находились люди, которые боялись, что атеизм, безбожие, может оказаться опасным для самой буржуазии, и рекомендовали поэтому только очистить религию от всяких несуразностей и заменить ее разумной верой в единого бога, вседержителя вселенной. Как бы то ни было, буржуазия не остановилась в страхе перед господствующей религией, а, наоборот, указала, что она только освящает и охраняет интересы феодализма.

В этой борьбе большую роль играли идеологи буржуазии, просветители XVIII века, которые противопоставили богословскому учению, теологии, свое учение, свое объяснение мира. Эти философы (любомудры, ищущие смысл всего существующего) отрицали существование бога, они доказывали, что не дух сотворил материю, а, наоборот, сам дух есть создание этой материи, что только незнание законов природы, страх перед ее неизвестными силами вызвали веру в какие-то сверхъестественные силы, в богов, а после и в единого бога. Против тех, которые доказывали, что людям вложены идеи добра, справедливости, нравственности, что они вложены в душу человека самим богом, эти философы выставили положение, что, наоборот, эти мысли, понятия (идеи) являются порождением той среды, в которой живут люди, что если изменить воспитание людей, то можно изменить и их мысли, мнения.

Коммунисты, опираясь на учение, развитое и обоснованное Марксом и Энгельсом, идут еще дальше. Они говорят, что в основе всякой идеологии лежат общественные отношения, т. е. те отношения, которые складываются между людьми, которые сообща ведут борьбу с природой за свое существование. Чтобы удовлетворить свои потребности, люди должны работать, должны наладить хозяйственную жизнь. Каждому хозяйственному укладу соответствует особый образ жизни, особый общественный опыт. При рабском хозяйстве, у людей совсем иные представления, воззрения, понятия, чем при крепостном. Не сознание определяет бытие, а, наоборот, бытие определяет сознание. Меняется образ жизни, меняется общественный уклад, изменяются вместе с ними вся идеология людей, их взгляды, воззрения, мнения, идеи.

Когда общество раскалывается на классы, то с развитием последних развивается также особая идеология у каждого класса. Наряду с теми идеями, мыслями, которые он унаследовал и которые он разделяет со всем обществом, развиваются у этого класса свои особенные идеи, свои воззрения, свои понятия — развивается своя особая классовая идеология.

Когда в классовом обществе достигает исключительного господства один какой-нибудь класс, когда его классовое господство длится достаточно долго, он навязывает остальным классам не только свое материальное господство, он порабо-

щает их не только экономически, не только политически, но и духовно.

Так когда-то дворянство навязывало свои идеи буржуазии, мещанству. Разбогатевший мещанин тянулся к дворянам, подражал их нравам, учился говорить их языком, корчил из себя «мещанина во дворянстве». Когда же буржуазия окрепла, сложилась в класс, вступила в борьбу с дворянством, она—в комедиях, стихах, картинах—начала осмеивать дворянскую идеологию и возвеличивать свою собственную. Дворянским идеалам она противопоставила свои идеалы, буржуазные.

В XIX веке господствующим классом стала буржуазия. При помощи печати, литературы, искусства она навязывает свои идеи всем остальным классам, даже тому классу, эксплуатации которого она существует. Много еще есть рабочих, которые тянутся в буржуазию, подражают ей, как прежде мещане тянулись в дворянство, подражали дворянам. Господствующими идеями являются теперь идеи буржуазии. Коммунисты противопоставляют им свои идеи, революционные идеи, и когда буржуазия поднимает по этому поводу гвалт, то она только забывает, что было время, когда и защищавшиеся ею идеи были революционными идеями по отношению к феодальному обществу, по отношению к дворянству.

Когда буржуазия и ее идеологи вынуждены, наконец, признать, что идеи изменялись, что менялись религии, мировоззрения, правила поведения, нравственные понятия, что новое не всегда плохо только потому, что оно ново, они прибегают к другому доводу, с которым мы уже встречались раньше.

Как бы ни изменялись религиозные, нравственные, политические идеи, говорят они, однако сама религия, нравственность сохраняются. Есть, таким образом, вечные истины, идеи, которые остаются неизменными и меняют только свою внешнюю оболочку.

Да, отвечают коммунисты. Они сохранялись до сих пор, они встречаются и в древнем мире, и в средние века, и в новое время. Но почему? Да просто потому, что как бы ни отличались друг от друга античное (древнее), феодальное и буржуазное общества, они имели одну общую черту. Все они были основаны на угнетении одного класса другим, на борьбе классов. Поэтому всем им были общи, несмотря

на все их различия, некоторые идеи, понятия. Сходство в условиях бытия порождает сходство в формах сознания.

Буржуазное общество впервые подготовило условия, необходимые для уничтожения всякого классового господства, коммунисты впервые выставляют требование уничтожения классового общества. Революция коммунистическая тем и отличается от всех предшествовавших ей революций, что она радикальнейшим, самым основательным образом, без всякой оглядки, порывает с прошлым, со старыми отношениями собственности и так же радикально она порывает со всеми стародавними, традиционными, унаследованными идеями, понятиями.

Когда люди станут действительно равными, когда исчезнет всякая эксплуатация человека человеком, когда люди поймут, что судьба их находится в их собственных руках, тогда они перестанут верить в богов, чертей, в какое-то высшее существо, которое правит всем миром и все-таки спокойно смотрит на все гнусности и мерзости буржуазного мира.

Главным деятелем этой коммунистической рабочей революции является организованный в класс пролетариат. И первым его делом должно стать возвышение на степень господствующего класса, завоевание политической власти, диктатура пролетариата.

И тут он опять-таки должен учиться у буржуазии. Она не ждала, пока буржуазное общество вылупится в совершенно готовом виде из феодального общества.

Чтобы сделать социальную революцию, достаточно, чтобы революционный класс стал классом для себя, проникся классовым сознанием, чтобы старое общество подготовило все элементы, необходимые для постройки нового общества. Когда буржуазия делала свою социальную революцию, она использовала свою политическую власть, чтобы разрушить старое феодальное общество и построить на его месте новое буржуазное.

Так поступает и должен поступать и пролетариат. Только овладев политической властью, сломив окончательно сопротивление буржуазии, он отнимает у буржуазии все средства производства, чтобы сосредоточить их в руках пролетарского государства. А на это требуется время. Ведь в некоторых европейских государствах буржуазия в течение многих десятилетий не могла окончательно уничтожить все следы феода-

лизма. Особенно упорно держался последний там, где буржуазия поспешила заключить с ним соглашение против рабочего класса.

Члены Союза Коммунистов знали еще в 1847 г. прекрасно, что понадобится немало времени, чтобы заменить капиталистический строй коммунистическим. В своей газете они писали:

«Мы не из тех коммунистов, которые верят, что коммунистический строй может, словно по чудьему велению, быть введен немедленно после победоносной борьбы с врагами его. Мы знаем, что человечество не делает прыжков, а лишь шаг за шагом подвигается вперед. Не можем мы с вечера на утро перейти из негармонического общества в гармоническое (благоустроенное); для этого понадобится, смотря по обстоятельствам, более или менее продолжительный переходный период. Лишь постепенно может быть преобразована частная собственность в общественную».

Важно только, чтобы в этот переходный период пролетариат крепко держал власть в собственных руках. В союзе, в коалиции с буржуазией нельзя ее хоронить. Необходимо поэтому выработать ряд мер, которые сократят это переходное время и подготовят условия для полного осуществления коммунизма.

Для той эпохи, для того времени, коммунисты считали необходимым следующие меры, перечень которых дан в Манифесте. В первую очередь, по их мнению, необходимо было отнять землю у крупных поземельных собственников и превратить ее в государственную собственность. Все доходы, которые получали помещики, должны были пойти в пользу пролетарского государства и обращены на покрытие государственных расходов.

Затем необходимо было обложить всех капиталистов подоходным налогом, но таким, ставка которого увеличивалась бы сообразно размерам облагаемого дохода, т.-е. прогрессивно-подоходным налогом.

Не трогая личной собственности, коммунисты должны были принять меры против того, чтобы собственность росла и скоплялась в руках людей, которые использовали ее для эксплуатации других. С этой целью они должны были провести и такую меру, как уничтожение права наследства. Еще меньше оснований оставлять собственность за

теми, кто бросил свою работу только потому, что пролетариат овладел властью, кто устраивает за границей заговоры и добивается вмешательства иностранных государств. Против этих врагов направлена такая мера, как конфискация имущества эмигрантов и бунтовщиков.

Так как банки имеют огромное значение в хозяйственной жизни страны, ибо они распоряжаются таким могучим средством, как кредит, и оказывают его, главным образом, капиталистам, то пролетарское государство должно сосредоточить его в своих руках при помощи единого национального банка, который находился бы под его контролем .. .. .ко с его ведома имел бы право ссужать необходимые средства.

Не менее важно сосредоточить в руках пролетарского государства средства транспорта, перевозки. Речь, конечно, могла идти о крупных средствах вроде железных дорог и пароходов, а их было тогда еще очень мало. Такие средства сношения, как телеграф и почта, только начали развиваться. Средства воздушного сообщения, если не считать воздушных шаров, не имевших никакого практического значения, были совсем неизвестны. О беспроводном телеграфе и телефоне никто и не помышлял. Поэтому в Манифесте речь идет только о сосредоточении в руках пролетарского государства средств транспорта.

Чтобы облегчить переход к коммунизму, чтобы показать выгоды общественного производства, пролетарское государство должно было создавать государственные фабрики, национализированные предприятия. Кроме таких коллективных хозяйств, пролетарское государство должно было на особых участках заниматься возделыванием и улучшением полей по общему плану. Такие земледельческие хозяйства должны были показать соседним крестьянам преимущество кооперации, сотрудничества в земледелии.

Пролетарское государство должно было уничтожить разделение на приобретающих, но не работающих, и на работающих, но не приобретающих. Для этого оно должно было ввести обязательную трудовую повинность на манер обязательной воинской повинности. Из таких трудообязанных должны были составляться отряды, которые можно было направлять на всякие общественно-необходимые работы и в особенности для обработки полей, когда являлась необходимость использовать рабочую силу в экстренном порядке.

Такое применение городских рабочих на полевых работах особенно важно потому, что помогает сгладить ту грань, которая образовалась, в силу отделения города от деревни, между промышленным и земледельческим трудом. Порядок сельско-хозяйственных работ, сосредоточивающихся в особенное время года, дает возможность городским рабочим принимать летом участие в полевых работах, а деревенским—зимою на фабриках и заводах. То, что при капитализме происходит только в силу жестокой необходимости, могло бы пролетарским государством быть организовано вполне планомерно. Таким образом было бы постепенно уничтожено различие между городом и деревней.

Чтобы обеспечить за собою будущее, пролетарское государство должно раньше всего позаботиться о детях. Их надо воспитывать так, чтобы для подрастающего поколения на первом плане стояли общественные интересы, а не узко-семейные или личные. А этого можно достичь только при помощи общественного и дарового воспитания всех детей. Если в буржуазном обществе труд детей существует только в виде фабричного труда, если он служит только для увеличения прибыли капиталистов, то в пролетарском государстве нужно его организовать так, чтобы труд вошел в само воспитание, чтобы приобретение знаний, чтобы воспитание соединялось с полезным трудом, с материальным производством.

Конечно, за 75 лет, которые прошли с того времени, когда коммунисты впервые выставили эти меры, крупная промышленность сделала такие большие успехи, да и сам рабочий класс приобрел в ряде революций такой большой опыт, что эти меры могут быть теперь изменены или дополнены. Тогда важно было указать, что должен сделать пролетариат в течение переходного периода между капитализмом и коммунизмом.

Осуществление всех этих мер должно отнять у буржуазии весь ее капитал, сосредоточить все средства производства и положить конец наемному труду, а вместе с этим и разделению общества на классы. Пока они существуют, пока пролетариат имеет против себя только что низвергнутую буржуазию, готовую использовать всякую его ошибку, всякую оплошность, чтобы восстановить свое господство, он должен сохранять в своих руках политическую власть. Но чем прочнее

господство пролетариата, тем скорее он уничтожит старые условия производства, тем скорее произойдет и замена капитализма коммунизмом. Вымирает старое поколение эксплуататоров, подрастает новое поколение людей, не знавших эксплуатации.

Когда не будет общественных классов, которые нужно было бы удерживать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, когда будут устранены вытекающие из этого столкновения и насилия, тогда некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, которая в сущности есть только организованная сила одного класса, имеющая целью подчинение другого класса.

Вмешательство государственной власти в отношения между людьми станет мало-помалу излишним и прекратится само собою. Государство умрет естественной смертью, за ненадобностью. А на место старого буржуазного общества с его борьбой классов, с его эксплуатацией человека человеком, где—

Только тот один, кто всех собой душил
Свободно и дышал, и действовал, и жил, —

станет новое, бесклассовое общество свободных и равных людей, в котором свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех.

К ГЛАВЕ ТРЕТЬЕЙ

В третьей главе Манифеста изложена была история борьбы классов и особенно подробно история и развитие тех двух классов, буржуазии и пролетариата, борьбой которых определяется вся современная политическая и общественная жизнь.

Во второй главе выяснено было отношение коммунистов к пролетариям и их целям, рассмотрены все возражения, которые выдвигают против них буржуазия и ее идеологи, а затем изложены были те ближайшие требования, которые коммунисты выставляют для переходного времени.

Но кроме коммунистов, организовавшихся в Союз Коммунистов, были еще и другие социалисты и коммунисты, которые тоже старались действовать в среде пролетариата и влиять на него. Необходимо было выяснить свое отношение

ко всем этим течениям и направлениям. Именно это и служит предметом третьей главы.

Вполне, однако, понятно, что эта глава больше всего устарела. Коммунизм Маркса и Энгельса за эти 75 лет вырос в огромнейшую силу и стал евангелием для десятков миллионов рабочих. Наоборот, все учения, против которых он выступал когда-то, чтобы пробить себе дорогу, давно уже перестали играть какую-нибудь роль и по большей части совершенно забыты. Они стали теперь достоянием прошлого, которое необходимо изучать, чтобы понимать настоящее, но непосредственного практического значения они теперь не имеют. Коммунистам теперь приходится вести борьбу с совершенно другими партиями, с другими течениями, и очень часто с такими, которые уверяют других и себя, что и они тоже являются учениками Маркса и Энгельса.

Все это надо иметь в виду при чтении третьей главы. Многие указания попадают не в бровь, а в глаз и некоторым теперешним противникам коммунизма, но они относятся непосредственно к таким партиям и течениям, которые окончательно сошли с исторической сцены.

Кроме того, названия, которые употребляются в этой главе, имеют иногда не тот смысл, который мы вкладываем в них теперь. Слово коммунизм употребляется в определенном смысле, оно означает учение, которое требует уничтожения частной собственности, а коммунист—того, кто выставляет это требование. Наоборот, слово социализм означает не только учение действительных социалистов, которые понимали, что корень зла лежит в самом капитализме, но надеялись, что им удастся уговорить буржуазию переменить свое «сердце». Тем же самым словом социализм Манифест называет также и различные учения всяких мыслителей и политических деятелей, которые старались всяческими средствами и всевозможными припарками справиться с общественными бедствиями, оставляя целыми и волков и овец, не причиняя ни малейшего ущерба ни капиталу, ни прибыли.

Так вот этот последний социализм делится еще на два разряда: реакционный и консервативный. Начнем с первого.

Реакционный социализм—это тот социализм, который хотел бы устранить зло капитализма путем возвращения к общественным порядкам, существовавшим раньше, он, следо-

вательно, хотел бы повернуть колесо истории назад, обратить ее вспять. Его выразителями и глашатаями являются представители тех классов, которые пострадали от развития капитализма и лишились всяких привилегий, преимуществ.

В первую очередь Манифест называет феодальный социализм. Эта самая лицемерная разновидность реакционного социализма. В большинстве случаев это представители старой родовой аристократии в Англии и Франции, которые не могли простить новому господствующему классу, буржуазии. Ведь еще недавно она обивала у них пороги, а теперь, как нахальный выскочка, смотрела на них сверху вниз. Все попытки реставрации, восстановления старого порядка, кончились неудачей. Во Франции, где после великой революции и военной диктатуры Наполеона удалось восстановить на время власть старой королевской династии (Бурбонов)— эти годы, от 1815 до 1830, называют поэтому эпохой реставрации—новая революция, июльская революция 1830 г., окончательно свергла феодальную аристократию. В Англии такой же удар нанесла ей парламентская реформа 1832 г., которая уничтожила так называемые гнилые местечки, т.е. лишила феодалов права посылать в парламент депутатов от принадлежавших им захудалых деревень и передала это право промышленным городам.

Эти обиженные аристократы начали теперь обвинять буржуазию, что именно она виновна во всех бедствиях, которыми сопровождалось развитие нового общества. Они обличали фабричные порядки и выступали защитниками рабочих, что не мешало им самым бесстыдным образом эксплуатировать своих арендаторов и грабить своих сельских рабочих. Им хотелось бы восстановить старое феодальное общество,—

Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал жизнь последних барских псов,

но где в то же время низшие сословия чтили своего сеньора, ходили в церковь и прилежно работали.

К числу их относятся, во Франции, некоторые легитимисты, сторонники восстановления дважды свергнутых Бурбонов, и «молодая Англия», название, данное кружку молодых представителей английской аристократии, в который вошел впоследствии очень известный государственный деятель, Дизраэли, автор повестей, изображавших очень ярко все

следствия развития крупной промышленности в Англии. Противники промышленной буржуазии и свободы торговли, они хотели привлечь на свою сторону рабочих, чтобы восстановить политическое господство истинной аристократии, которая не дала бы в обиду трудящиеся массы. От последних требовались только почтительность и любовь к своим пастырям. Конечно, против непочтительных и строптивых рабочих они допускали самые строгие меры.

Почти из того же теста сделан и поповский или христианский социализм.

Несмотря на личную порядочность некоторых его представителей, это—одна из самых отталкивающих разновидностей реакционного социализма. Его не надо только смешивать со средневековым коммунизмом, или коммунизмом Мюнцера, который тоже опирался на христианство. Но эти революционные коммунисты-сектанты восставали против официального христианства и выдвигали вперед самое раннее христианство, которое носило еще бунтарский характер, как религия ремесленников и крестьян.

Современный христианский социализм, по выражению одного умеренного немецкого ученого, ведет себя, как мародер на поле сражения. Он подкрадывается ко всем, кого изранило или обессилило современное общество, чтобы излечить их от ран и от злобы, ожесточения против этого общества. Этот социализм замазывает все гнусности буржуазии против рабочих. Он приглашает буржуазию быть милосердной, а рабочих—покорными. Он рекомендует пролетариату подчинение и смирение, а «для пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались, как с отребьем человечества,—для пролетариата смелость, самосознание, чувство гордости и независимости важнее хлеба».

К реакционному социализму Манифест причисляет и мелко-буржуазный. Это—социализм мещанства и крестьянства, которые тоже страдают от развития капитализма. Его представители иногда относятся к рабочему классу с большим сочувствием, горячо изображают его страдания, страстно обличают непомерную жадность буржуазии. Но они не хотят уничтожения этого общества. Они хотят только исправить его, сделать его более приемлемым. Их идеал—зажиточный ремесленник, работающий в мелкой мастерской, зажиточный крестьянин, работающий на своем участке. В со-

гласии с этим они хотели бы и рабочего превратить опять в ремесленника или крестьянина. А так как все это невозможно, то им остается только оплакивать всю скверну господствующего капитализма. К числу самых талантливых и благородных представителей этого социализма принадлежал французский ученый Сисмонди. Когда у нас в России начал развиваться капитализм, то и в нашей литературе появились писатели, которые, как Сисмонди, тоже мечтали о возвращении к старому «народному производству», при котором не было капиталистов, не было пролетариев.

И теперь еще встречаются представители реакционно-го социализма, как его описывает Манифест. Правда, представители феодального социализма представляют теперь такую же редкость, как зубы. Зато представителей поповского или христианского социализма хоть отбавляй. Чем сильнее растет пролетарское движение, тем больше растет число этих самогонщиков социализма. Чем больше приедается пролетариям религия, тем больше сдобривают ее социализмом. Но если попа и в рогоже узнаешь, то еще легче узнаешь, несмотря на ярлык социализма, в этой бурде старый дурман, который должен заставить пролетария забыть о всех подлостях и пакостях буржуазного общества.

Зато совсем исчезла та разновидность реакционного социализма, которой Манифест посвящает так много места. Это — немецкий или «истинный социализм».

Тут сказалося то обстоятельство, что авторы Манифеста были оба немцы. Если пролетариат должен прежде всего покончить со своей собственной буржуазией, то его представители должны прежде всего и самым решительным образом разобрать и осудить всех тех социалистов, которые мешают борьбе пролетариата. Этим объясняется страстность, с которой авторы Манифеста хлещут «истинных социалистов».

Немецкие социалисты тогда сочувствовали пролетариату и в ряде статей и книг описывали его бедственное положение. Они громили буржуазное общество, но в своих рассуждениях допускали такую ошибку, которая роднила их с самыми злыми реакционерами.

Они рассуждали примерно так. На Западе — а для них Западом были Франция и Англия — рабочий класс страдает от капитализма, хотя в этих странах имеются и парламент и политическая свобода. Нищеты там не меньше, чем в восточных

странах. Стоит ли тратить силы на завоевание политической свободы, если она приводит только к таким результатам? И немецкие социалисты отвечали, что для них политическая свобода более чем безразлична. Она, как выразился один из них, им прямо отвратительна. А другой, которого Манифест называет главным представителем этого социализма, К а р л Г р у н, писал:

«Кто требует в Пруссии конституцию (свободных политических учреждений)? Либералы. Кто такие либералы? Господа в своих домах и некоторые писатели, которые или сами владеют этими домами, или чьи мысли не идут дальше желаний этих почтенных владельцев домов и фабрик. Составляет ли эта кучка собственников вместе со своими пишущими телохранителями народ? Нет. Желает ли народ конституции? Ни даже во сне... Если бы силезские ткачи были сознательны, то они должны были бы протестовать против конституции. Но у пролетариата для этого нет ни сознательности, ни прав; поэтому мы действуем его именем. Мы протестуем!».

Понятно, что такие речи должны были вызывать у коммунистов самое горячее негодование. Ведь это писалось сейчас же после того, как силезские ткачи познакомились со всеми прелестями прусского самодержавия, когда по приказу короля на них двинули войска и перестреляли многих из них только за то, что они протестовали против бесчеловечной эксплуатации со стороны фабрикантов.

«Истинные социалисты» не понимали, что пролетариату политическая свобода нужна, чтобы организовать, чтобы собрать силы. Их писания и речи могли доставить удовольствие только злейшим реакционерам, которые и слышать не хотели ни о каких политических свободах.

«Истинные социалисты» в Германии исчезли бесследно. Но у нас в России появились очень похожие на них народники-социалисты, в конце 70-х и 80-х годов прошлого столетия. Их не надо смешивать с революционерами-народниками, из которых одни отрицали борьбу за конституцию потому, что хотели сразу осуществить социализм, а другие, как народовольцы, мечтали при помощи террора захватить политическую власть и уже тогда осуществить социализм. Это были, несмотря на все их ошибки, настоящие революционеры, которые нанесли русскому самодержавию не один удар.

Мы говорим о тех писателях, которые повторяли, сами не зная этого, иногда слово в слово, проклятия, которые расточали по адресу буржуазии и капитализма немецкие «истинные социалисты», ратовали против конституции и на деле являлись прислужниками царского самодержавия.

Переходим теперь ко второму разделу, буржуазному или консервативному социализму. Его представители являются сторонниками современного буржуазного общества, которые, вследствие бедствий, неизбежно с ним связанных, испытывают опасения за существование этого общества. Они хотели бы устранить эти бедствия, чтобы сохранить современное общество. Для этого одни предлагают меры филантропии, благотворительности, которые должны успокоить рабочих и помирить их с современным обществом, другие выдвигают всякие реформы, улучшения, которые должны исправить некоторые недостатки буржуазного общества и, таким образом, укрепить его, сделать более устойчивым. «Идеал хорошо откормленного рабочего скота—это идеал депотов, а также идеал гуманнейших (наиболее человеческих) из буржуа, тех буржуа, которые искренно хотели бы доставить рабочему материальное довольство, не разбивая, однако, висящих на нем цепей капитала».

К числу буржуазных социалистов Манифест относит и Прудона, несмотря на то, что он принадлежит к числу самых резких обличителей капитализма. Но Прудон тогда был также противником коммунистов, которых он называл последними словами. Он ругал крупных буржуа, выступая против крупной промышленности, но в то же время и слышать не хотел об уничтожении частной собственности. Он не понимал, что раз он отстаивает частную собственность, то он тем самым допускает и крупную, капиталистическую частную собственность. Он хотел, чтобы существовало буржуазное общество, но чтобы оно не порождало пролетариата, чтобы процветало товарное производство, но не было ни кризисов, ни падения цен. Вот почему его идеалом является очищенное буржуазное общество, его социализм—буржуазным. Он хотел сохранить основы буржуазного общества и потому его социализм также консервативен.

Совершенно иначе относится Манифест к тому социализму, который он называет критически-утопическим, и к коммунизму других направлений.

Пьер-Жозеф Прудон.

Еще в XVI веке, когда капитализм в Англии только начал развиваться, но успел уже показать себя во всей красе своей, нашлись люди, которые понимали, что рост бродяжничества, преступлений, нищенства вызывается не какой-нибудь особен-

ной испорченностью бедняков, а новыми общественными условиями, в первую очередь частной собственностью на орудия производства. Томас Мор, один из образованнейших людей своего времени, написал в 1516 г. «Золотую книгу о лучшем общественном устройстве и о новом острове Утопия». Последнее название взято из греческого языка и означает—

Томас Мор.

несколько слов о Бабефе и его предшественниках. О них Манифест прямо говорит, что они выражали требования пролетариата во всех великих революциях нового времени.

Мы уже говорили о Томасе Мюнцере, который во время великой крестьянской войны выступал против частной собственности, как противоречащей всем началам истинного христианства. Он был тесно связан с пролетарскими слоями тех городов, где ему тогда приходилось проповедывать. Он требовал от своих последователей строгости нравов и отказа от

нигде, нигдешняя, небывалая страна. Подробно изобразив все бедствия, вызванные развитием капитализма в Англии, Мор рисует блаженную жизнь на острове Утопия, где отменена частная собственность.

С тех пор такие описания воображаемых, но в действительности не существующих стран, в которых устроен образцовый порядок, называются утопиями, словом утопический означают несбыточное, небывалое и утопистом называют мечтателя, ставящего себе несбыточные, фантастические цели.

Но, прежде чем перейти к утопическим социалистам, скажем еще

ненужных наслаждений. Этот аскетизм ¹⁾ соединялся с требованием самого строгого равенства, отказа от всяких преимуществ. В такое время, когда в распоряжении общества имеется недостаточное количество средств существования, такое требование строгой, грубой уравнительности вполне понятно. Излишек у одного означает недостаток у другого.

Гракх Бабеф.

Те же черты мы встречаем во время английской революции в XVII веке (1640—1658). Там истинные уравниатели (по-английски—левеллеры), в отличие от левеллеров просто, ограничившихся требованием полного политического равенства,—их руководителем был Лильборн—настаи-

¹⁾ Аскетами называли в древности людей, изнуряющих свою плоть, ведущих самую строгую и воздержанную жизнь. Аскетизм—учение, требующее, чтобы люди вели такой образ жизни.

вали также на полном экономическом равенстве. Представители безземельных батраков требовали уничтожения частной собственности на землю и полного равенства в распределении всех благ. Их называли диггерами, копателями, потому что они явочным порядком захватывали общинные земли, сносили загороди и обрабатывали землю сообща.

Во время великой французской революции мы опять встречаем революционеров, которые требуют не только политического, но и экономического равенства. Это были так называемые бешеные или оголтелые, которые своими крайними требованиями пугали даже Робеспьера. А требовали они только беспощадной борьбы со всякими спекулянтами и ростовщиками, пользовавшимися всеобщей нуждой и бессовестно вздувавшими цены. Они стояли за безусловное равенство и требовали поэтому реквизиции, обращения в государственную собственность, всех имевшихся запасов. Наибольшим влиянием они пользовались в рабочих кварталах. Чтобы не отпугнуть окончательно от революции средние слои буржуазии, Робеспьер в 1794 г. расправился с ними, но этим только ускорил победу умеренных элементов, которые поспешили в свою очередь расправиться с ним и его приверженцами (27 июля 1794 г. или, по революционному календарю, 9 термидора второго года республики).

Термидорианцы воспользовались властью, чтобы еще больше нажать на рабочих. Они закрыли клубы, ограничили свободу печати для противников буржуазии. Тогда Бабеф и его товарищи решили устроить заговор с целью свержения буржуазии и установления всеобщего равенства. На случай, если им удастся захватить власть, они выработали ряд декретов (мероприятий) против буржуазии и в пользу трудящихся. Всякий, присвоивший себе монопольное (исключительное) право на пользование плодами земли и промышленности, был, по их мнению, преступником.

В их среду закрался, однако, провокатор. Бабеф и его друзья были арестованы, сам он и Дартэ были казнены, а другие сосланы. Среди последних был Буонаротти. Много лет спустя он вернулся во Францию, пропагандировал среди революционеров «учение равных», имел большое влияние на Огюста Бланки, который в своей революционной деятельности следовал заветам Бабефа и его друзей (бабувистов). По имени Бланки называют бланкистами тех ком-

мунистов, которые надеялись, посредством удачного заговора, устроенного маленькой кучкой решительных революционеров, захватить политическую власть и декретировать, провести при помощи ряда декретов, коммунизм. Хотя им удалось привлечь на свою сторону некоторых рабочих, они все же не

Анри Сен-Симон.

придавали никакого значения классовой организации пролетариата и всякую работу в этом направлении считали покуда напрасной тратой сил.

Против классовой организации пролетариата, против создания особой классовой партии, были и так называемые великие утописты. Под этим именем обыкновенно подразумевают Сен-Симона, Фурье и Оуэна, которые названы и в Манифесте.

Все трое одинаково посвятили всю свою жизнь одному делу: защите интересов рабочего класса. Но готовые на все для народа, для рабочего класса, горячо сочувствуя страданиям угнетенных классов, они не верили в их силы, в их способности, они совершенно не рассчитывали на его собственные силы.

Шарль Фурье.

Он в их глазах оставался беспомощным, страдающим классом, о котором надо заботиться, которому надо помогать. Они придумывают особые планы будущего общества, свои утопии, и доказывают всем, всем, всем, что достаточно принять их план, чтобы сразу превратить современное общество из юдоли плача в земной рай. В нужде они видят только нужду, они не понимают, что условия существования, в которых находится пролетариат при капитализме, толкают его на путь классовой

организации, что вместе с развитием классового сознания он все более становится революционной силой. Великие утописты жалуют всем сердцем рабочий класс и потому обращаются к сильным мира сего, чтобы разжалобить их сердца яркими картинами бедствий «наиболее многочисленного и наиболее

Роберт Оуэн.

страдающего класса». Но призывы их оставались без ответа и без привета. Тех средств, которые они получали от некоторых доброхотов, едва хватало на устройство примерной социалистической колонии, которая обычно очень скоро кончалась крахом.

Наиболее практичным из них был Оуэн. Богатый человек, он ухлопал все состояние на свои социальные опыты, но он в то же время отстаивал и ряд мер в пользу рабочего класса,

которые оказались полезными. Так, он был горячим сторонником рабочего законодательства и очень много сделал для умственного воспитания рабочих.

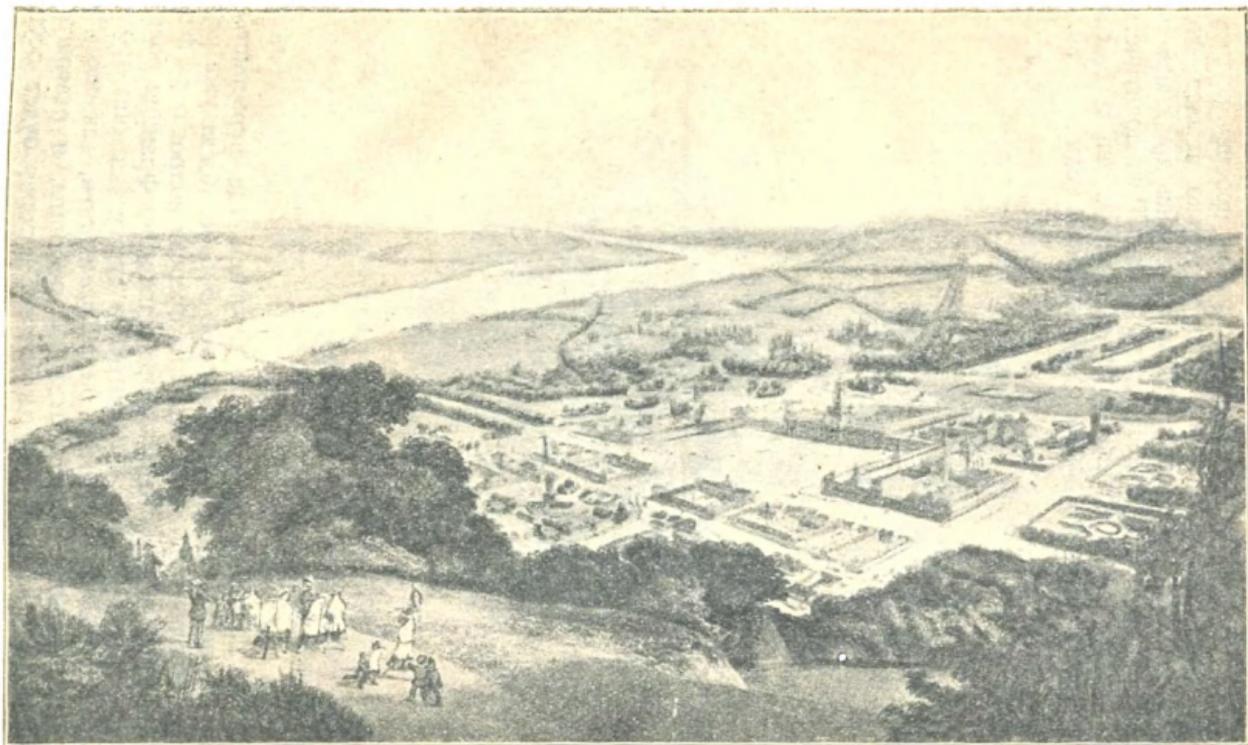
Главная сила всех трех; в особенности же Фурье и Оуэна, состояла в том, что они дали блестящую критику, разбор буржуазного общества, указали самым основательным образом на его недостатки. Они поэтому принесли большую пользу рабочему классу, который находил в их сочинениях богатейший материал для обличения господствующих классов. Хотя средства, предлагавшиеся ими, были весьма и весьма непрактичными, хотя их планы были утопическими, но некоторые их предложения вошли в программу коммунистической партии.

Вот почему Энгельс совершенно верно замечает в другом месте, что научный коммунизм стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна, трех мужей, принадлежавших, при всей фантастичности и утопизме их учений, к наиболее выдающимся умам всех времен, гениально предвидевших и предвосхитивших множество вещей, правильность которых мы теперь доказываем научно.

Надо еще прибавить, что великие утописты выступили со своими планами, когда пролетариат действительно только еще начинал свою борьбу против капиталистов, когда он еще не представлял собою никакой революционной силы.

«Пока пролетариат не настолько еще развит, чтобы сложиться в особый класс, пока самая борьба пролетариата с буржуазией не имеет еще, следовательно, политического характера, и пока производительные силы еще не до такой степени развились в недрах буржуазии, чтобы дать возможность найти материальные условия, необходимые для освобождения пролетариата и для образования нового общества,— до тех пор эти теоретики пролетариата оказываются утопистами, которые,—чтобы помочь нуждам угнетенного класса,— придумывают системы и стремятся найти обновляющую науку. Но, по мере того, как подвигается вперед история, а вместе с тем и яснее обнаруживается борьба пролетариата,—для них становится излишним это искание науки в собственных головах; им нужно только отдать себе отчет в том, что совершается на их глазах, и стать выразителями действительных событий».

Но ученики великих утопистов, несмотря на то, что условия изменились, упорно закрывали глаза на действительность. По-

Фаланстер Фурье.

следователи Оуэна в Англии выступали против чартистов, доказывали, что политическая борьба только мешает экономическому освобождению, и упорно оставались при своем мнении, хотя чартисты объясняли им, что для них политическое освобождение есть только средство, которое они подчиняют экономическому освобождению, как великой цели.

Этьен Кабэ.

То же самое мы видим и во Франции, где фурьеристы и слышать не хотят о революционной борьбе. Когда уже перед самой революцией 1848 г. стоял на очереди вопрос о реформе избирательного права, которым тогда во Франции пользовалась только богатая и зажиточная буржуазия, они продолжали вести борьбу против реформистов, как называли тогда приверженцев избирательной реформы, и разглагольствовать о мирной демократии, которая будет осуще-

ствлена сама собой, когда господствующие классы сознают ее необходимость.

А рядом с этими маленькими учениками великих учителей выступал очень популярный среди рабочих, отец Кабэ, который придумал свою коммунистическую утопию Икарью (блаженная страна). Всего за несколько месяцев до взрыва революции он старался еще убедить рабочих бросить политическую борьбу и отправиться с ним в Америку, чтобы там,

Бой на улицах Парижа в феврале 1848 г.

за далью буржуазной непогоды, в обетованной земле найти новый Иерусалим. Затея эта окончилась неудачей. Еще не успели новые паломники пуститься в поход, как в Европе разразилась февральская революция.

К ГЛАВЕ ЧЕТВЕРТОЙ

В предыдущей главе были выяснены отношения коммунистов к таким течениям, которые, повидимому или на деле, борются против буржуазии. Но коммунисты работают в различных странах. В некоторых из них политический строй тогда был до такой степени отсталым, что против него боролись

не только коммунисты, но и известные слои буржуазии. Нужно было поэтому в Манифесте указать, как коммунисты должны себя вести по отношению к таким партиям, какой тактики они должны были придерживаться в разных странах.

В Англии уже тогда существовала большая политическая партия рабочего класса—чартисты. Ясно, что коммунисты должны были всеми силами поддерживать их в борьбе с буржуазными партиями, стараясь только пропагандировать среди чартистов принципы, основные начала коммунизма.

В Соединенных Штатах Северной Америки, где тогда еще не было отменено рабство и не было еще окончательно сложившегося рабочего класса, существовали только отдельные организации в некоторых штатах. Самой радикальной, крайней из них была ассоциация аграрных реформистов, которая требовала превращения земли в национальную собственность.

В отличие от утопистов, которые совсем не интересовались политической борьбой, коммунисты, наоборот, вмешивались во всякое движение, которое затрагивало интересы рабочего класса. Но они в свою очередь отличались тем от различных рабочих организаций—профсоюзов и коопераций,— что отстаивали не только теперешние интересы рабочего класса или отдельных его разрядов, групп, как бы ни были они крупны, но заботились и о том, чтобы в погоне за непосредственными выгодами не пострадала будущность пролетарского движения, чтобы рабочий класс не продал своих прав на наследование буржуазного общества, как библейский Исав, за чечевичную похлебку.

Во Франции тогда наряду с радикальной буржуазией, радикалами, которые требовали расширения избирательного права, но травили коммунистов не хуже, чем консервативная буржуазия во главе с Гизо, существовала еще социалистически-демократическая или социал-демократическая партия. Она выставляла в своей программе ряд требований, которые выдвигались и коммунистами, но в то время, как последние прекрасно знали, что это только переходные меры, ведущие к коммунизму, французские социал-демократы тогда считали, что эти мероприятия вполне достаточны для устранения бедствий в буржуазном обществе 1).

1) В примечании к Манифесту сказано, что французские социал-демократы, как небо от земли, далеки от современных немецких социал-

В ряды французских социал-демократов входили не только различные слои мелкой буржуазии, но и пролетарии, которые еще недостаточно уяснили себе условия освобождения своего класса. Требуя вместе с мелкой буржуазией установления демократии, они в то же время увлекались планом, который был выставлен одним из наиболее выдающихся теоретиков социал-демократической партии—Луи Бланом. Он принадлежал к числу буржуазных социалистов и осуждал безудержную конкуренцию, которая так сильно действовала на мелкую буржуазию и ремесленников. Как главное средство против этого зла, он рекомендовал устройство промышленных обществ рабочих при помощи государственного кредита. Главным политическим руководителем партии был Ледрю-Роллен, издававший газету «Реформа», которая, в отличие от радикалов, относилась к чисто-рабочим партиям дружественно, как к своим союзникам, и даже предоставляла свои страницы коммунистам.

В Швейцарии тогда происходила упорная борьба между католическими кантонами и протестантскими. В первых господствовали злостные реакционеры, пользовавшиеся поддержкой Меттерниха, во вторых—либеральные буржуа, которые однако ничем не уступали своим противникам, когда речь шла о борьбе против коммунистов. Но были также, в особенности во французской Швейцарии, в женевском кантоне и в ваадтском (главный город Лозанна), более передовые буржуазные партии, сходные с партией французской социал-демократии, которые тогда еще вели себя по отношению к рабочим и коммунистам прилично. Поэтому Манифест советует поддерживать их в борьбе с консервативной буржуазией.

В Польше, которая тогда была разделена между Пруссией, Австрией и Россией, не было никакого рабочего движения. Все силы поглощены были борьбой за национальное освобождение. Но, в то время, как одна часть польских повстанцев упорно отстаивала свои старые шляхетские и крепостнические привилегии, другая, демократическая, часть выдвигала требование освобождения крестьян и крестьянского землевладения от феодального гнета, т.-е. высказывалась за аграр-

---

демократов. Это было верно тридцать лет назад, когда Энгельс писал это примечание. Современная социал-демократия в теории признает основные положения Манифеста, но на практике, в борьбе с буржуазным обществом, идет не дальше тогдашних социал-демократов.

ную революцию. Эта партия, которую коммунисты должны были поддерживать в Польше, называлась «Польское демократическое общество». Оно устроило восстание в австрийской Польше в 1846 г., известное под именем краковского. Кончилось оно неудачей, так как Меттерниху удалось натравить невежественных польских крестьян на повстанцев и помещиков, из которых очень многие были зверским образом перерезаны.

Гораздо сложнее обстояло дело в Германии, где буржуазия тогда еще не достигла политического господства и сама— правда, не особенно решительно—выступала против дворянства и абсолютной монархии.

В отличие от «истинных социалистов», которые, как мы видели, и слышать не хотели о политической борьбе, в отличие также от радикалов, которые выдвигали на первый план только политическую борьбу и на манер французских социал-демократов выдвигали некоторые требования в пользу рабочего класса, коммунисты должны были добиваться самой широкой политической свободы с тем, чтобы организовать пролетариат против победоносной буржуазии.

Вот почему их тактика в Германии была гораздо сложнее. Нужно было бороться совместно с буржуазией, поскольку она выступает революционно против дворянства, и в то же самое время выработать в умах рабочих сознание враждебной противоположности их интересов и интересов буржуазии. Нужно было критиковать все ошибки этой буржуазии и толкать ее вперед, рискуя каждый раз толкнуть ее на союз с дворянством против пролетариата.

Маркс и Энгельс тогда надеялись, что в Германии буржуазная революция произойдет при более благоприятных условиях, чем во Франции или Англии, и что промежуток, переходное время, между буржуазной и пролетарской революцией будет короче. Практика германской революции однако показала, что, чем решительнее выступает рабочий класс, тем скорее буржуазия склонна заключить мир с дворянством. Это подтвердилось и на опыте русской революции.

Манифест заканчивается указанием на главное правило поведения, на тактику коммунистов вообще в эпоху революции.

В отличие от буржуазных партий, которые смотрят на рево-

люцию, как на неизбежное зло, и стараются всеми силами, сейчас же по достижении своих целей, застопорить революционное движение, коммунисты наоборот всюду и везде «разжигают», поддерживают всякое революционное движение против буржуазных общественных и политических отношений. Надо всеми силами расшатывать устои буржуазного общества и подчеркивать, что главным злом является частная собственность на средства производства, значит, в отличие от всех других партий, даже самых демократических, выдвигать основной вопрос всего движения, вопрос о собственности.

Не разделяя иллюзий, самообмана, демократических партий, коммунисты, защищающие в первую очередь интересы рабочего класса, стремятся к созданию единого фронта в борьбе всех униженных против угнетателей.

Они только прекрасно знают, что эта борьба есть борьба на жизнь и смерть, что когда речь идет о полном переустройстве всего общества, то последним словом революционной науки будет:

Война или смерть; кровавая борьба или уничтожение. Такова неотразимая постановка вопроса.

Пролетариат каждой страны должен прежде всего покончить со своей буржуазией, но победа пролетарской революции будет тем прочнее, чем больше будет число стран, которые она охватит. Коренным условием ее окончательного успеха является объединение пролетариев всего мира, всех стран.

Д. Рязанов.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие редактора	7
Введение	9
Коммунистический Манифест	27
Вступление.	29
I. Буржуа и пролетарии	30
II. Пролетарии и коммунисты	43
III. Социалистическая и коммунистическая литература	53
1) Реакционный социализм	—
а) феодальный социализм.	—
б) мелко-буржуазный социализм	55
в) немецкий или «истинный» социализм	56
2) Консервативный или буржуазный социализм	60
3) Критически-утопический социализм и коммунизм	61
IV. Отношение коммунистов к различным революционным партиям	64
Пояснения	67
К главе первой	72
К главе второй	105
К главе третьей	120
К главе четвертой	137

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА

под общей редакцией Д. Б. Рязанова.

- К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Под редакц. и с примечаниями Д. Рязанова.
- Т. I. К. Маркс. Статьи и письма 1837—1844 гг. С иллюстрац. Стр. XXXII+564. Ц. 1 р. 80 к. в папке.
- Т. II. Ф. Энгельс. Статьи и корреспонденции 1839—1844 гг. С иллюстрац. Стр. 624. Ц. 4 р. 50 к. в папке.
- Т. X. К. Маркс и Ф. Энгельс. Статьи и корреспон. 1852—1854 гг. Письма об Англии. Восточный вопрос. Пальмерстон. Стр. 600. Ц. 3 р. 25 к.
- Т. XI. К. Маркс и Ф. Энгельс. Статьи и корреспонденции 1854—1855 гг. Крымская война. Министерство Пальмерстона. Джон Россель. Испанская революция. Стр. 654. Ц. 3 р. 50 к.
- К. Каутский. Собрание сочинений. Под ред. Д. Рязанова.
- Т. X. Происхождение христианства. Изд. 2-е, доп. Стр. 454. Ц. 2 р. 25 к.
- Т. XII. Размножение и развитие в природе и обществе. Стр. XVI+284. Ц. 1 р. 50 к.
- Г. В. Плеханов. Сочинения. Под ред. Д. Рязанова.
- Т. I. Статьи до 1883 г. Период народнический. Изд. 3-е. Страниц 364. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 60 к.
- Т. II. Статьи 1883—1888 гг. От основания группы „Освобождение Труда“ до организации „Русского Социал-Демократического Союза“. Стр. 406. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к. в папке.
- Т. III. На русские темы. 1888—1892 гг. Изд. 2-е. Стр. 430. Ц. 2 р. 50 к. в п.
- Т. IV. На международные темы. 1888—1894 гг. Изд. 2-е. Стр. 333. Ц. 2 р. 60 к. в папке.
- Т. V. Н. Г. Чернышевский. Кн. I. Изд. 2-е. Стр. XVI+363. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 50 к.
- Т. VI. Н. Г. Чернышевский. Кн. II. Изд. 2-е. Стр. VIII+413. Ц. 2 р. 50 к. в п.
- Т. VII. Обоснование и защита марксизма. Часть первая. Издание 2-е. Стр. 331. Ц. 2 р. в папке.
- Т. VIII. Обоснование и защита марксизма. Часть вторая. Издание 2-е. Стр. 411. Ц. 2 р. 60 к. в папке.
- Т. IX. Против народничества. Изд. 2-е. Стр. IV+367. Ц. 2 р. 25 к., в п. 2 р. 60 к.
- Т. X. Литературно-критические ст. (1888—1903). Изд. 2-е. Стр. IV+462. Ц. 2 р. 60 к. в папке.
- Т. XI. Критика наших критиков. (1889—1902). Изд. 2-е. Стр. IV+398. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 60 к.
- Т. XII. Вопросы программы и тактики. (1900—1903). Изд. 2-е. Стр. VIII+536. Ц. 3 р.
- Т. XIV. Искусство и литература. Стр. VIII+350. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 60 к.
- Т. XVI. Вопросы социализма и рабоч. движен. Стр. VIII+383. Ц. 2 р. 25 к.
- Т. XVII. Против эмпирионизма и богоискательства. Страниц VIII+347. Ц. 2 р. 25 к., в папке 2 р. 60 к.
- Т. XVIII. От утопии к науке. Стр. VIII+335.
- Т. XX. История русской общественной мысли. Кн. I. Стр. XXVIII+366. Ц. 2 р.
- Т. XXI. Кн. II. Стр. 296. Ц. 1 р. 50 к.
- Т. XXII. Кн. III. Стр. 364. Ц. 1 р. 50 к.
- Т. XXIII. Статьи по истории русской общественной мысли в XIX в. (Статьи о Чаадаеве, Белинском, Герцене и др.). (Печ.).
- П. Лафарг. Сочинения. Под редакцией Д. Рязанова.
- Т. I. Предисловие Д. Рязанова. Содержание: Из истории социализма во Франции в последнюю четверть XIX в. — Программные и тактические работы. — Воспоминания. — Указатель имен. С портретом Лафарга.
- Т. II. 1. Экономические работы. 2. Из истории социализма. (Печ.).

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

АРХИВ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Книга I. I. Статьи и исследования. II. Из неопубликован. рукописей Маркса и Энгельса. III. Из переписки Маркса и Энгельса. IV. Критика и рецензии. Стр. 497. Ц. 4 р.

Книга II. Фридрих Энгельс. Диалектика природы (немецкой и русский тексты). С предисловием Д. Рязанова.

Приложение: Библиография марксизма. Составлено Э. Цобелем и П. Гайду.

Книга III. I. Статьи и исследования. Из литературного наследия Маркса

и Энгельса. Материалы, сообщения заметки. Письма и документы. Критика и рецензии. Некрологи. (Печ.).

Маркс и Энгельс в 1848—50 гг. Очерки и статьи, собранные Ф. Мерингом. С пред. Д. Рязанова.

Гегель. Избранные сочинения под ред. А. Деборина и Д. Рязанова. Философия права. (Печат.).

Философия истории. (Гот. к печ.).
Энциклопедия философских наук. Ч. I
Логика. (Гот. к печ.)

БИБЛИОТЕКА МАТЕРИАЛИЗМА

под общей редакцией А. Деборина и Д. Рязанова.

Л. Фейербах. Сочинения. Т. I. Избранные философские произведения. Вступительный очерк А. Деборина. Стр. 336. Ц. 90 к.

Л. Фейербах. Сочинения. Т. II. Сущность христианства.—Сущность религии.—Ответ Штирнеру. Со вступ. статьей А. Деборина.

Л. Фейербах. Сочинения. Т. III. Лекции о сущности религии. Со вступ.

статьей А. Деборина. Стр. 400. Цена 2 р. 75 к.

П. Гольбах. Система природы. С пред. А. Деборина. Стр. XXXV+578. Ц. 4 р.

Ламеттри. Избранные сочинения. Вступительн. статья А. Деборина. Прим., библиогр. и указ. имен (сост. И. Луппола). С портр. Ламеттри. Стр. LI+871. Ц. 4 р.

БИБЛИОТЕКА МАРКСИСТА

под редакцией Д. Рязанова.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

П. Лафарг. Томас Кампанелла. С предисл. Д. Рязанова и примеч. Г. Зайделя и И. Луппола. С 4 рис.

Его же. Право на лень.

К. Маркс. Заработная плата, цена и прибыль.

Его же. 18 брюмера Луи Бонапарта.

Его же. Классовая борьба во Франц.

Его же. Наемный труд и капитал.

Его же. Революция и контр-революция в Германии.

Его же. Речь о свободе торговли.

Маркс—мыслитель, человек, революционер. Сборник статей. С предисл. Д. Рязанова. С 10 рис.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический Манифест. С пред. и прим. Д. Рязанова. С 21 рис.

Г. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении.

Его же. Основные вопр. марксизма. **Ф. Энгельс.** Жилищный вопрос.

Его же. Крестьянская война в Германии. С предисл. Д. Рязанова и примеч. Ц. Фридлянда. С 7 рис.

Его же. Развитие социализма от утопии к науке. С предисл. Д. Рязанова и примеч. Г. Зайделя и И. Луппола.

Его же. Людвиг Фейербах.

50 коп.

2

RF 2:24